

И.Н.Суших

СВЕТ СВЕТИТ

NOVA TOTIUS
TERRARUM
ORBIS

TABULA

ex officina G. a Schagen

Amstelredami

16+

Иван Николаевич Сухих

Свет светит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43713088

SelfPub; 2019

Аннотация

Приключения главного героя в сопровождении помощников учёного-отшельника необратимо меняют его жизнь и жизнь всего мира.

И.Н. СУХИХ

СВЕТ СВЕТИТ

Краткое содержание. У студента Алексея появились проблемы в жизни, связанные со взаимоотношением с отцом и с собственным здоровьем. Его отец, предприниматель средней руки, после неудачного обращения к официальным врачам за помощью в лечении сына неожиданно находит информацию о таинственном учёном-отшельнике, живущем на Севере, о котором ходят странные слухи. После обращения к этому учёному Алексей остаётся у него жить на одну неделю. В сопровождении помощника этого учёного Алексей видит много интересного и необычайного в жизни людей. В конце концов Алексей узнаёт причину того, для какой цели учёный-отшельник оставил его у себя в гостях на одну неделю. После этого жизнь Алексея бесповоротно изменилась.

Глава 1

Солнце ярко светило в окно. Было раннее утро. Первое июня. Начало сессии в институте. Вот печаль-то. Хотя потом и будут каникулы. Да и сейчас напрягаться особенно не надо, всё равно папаша в любом случае всё устроит. Зачем тогда и заморачиваться, повторять учебники? А чем тогда заняться? Где оторваться? Это требовало серьёзного размышления. Немного подумав над этим, Алексей открыл глаза, но сразу же зажмурился от солнечных лучей, падавших прямо на его подушку. Однако всё-таки надо было вставать, сон исчез, просто так лежать больше не хотелось. По правде ска-

зять, и ничего особенно не хотелось. Но, может быть, сегодня что-нибудь интересное и случится.

Алексей встал, бросил взгляд из окна, оделся и сошел вниз на первый этаж в столовую. Отец, Петр Павлович, уже заканчивал завтракать и собирался уезжать в свою контору. Он удивлённо взглянул на сына.

– Что это ты рано поднялся? Занятий-то сегодня нет. Или решил пораньше начать готовиться к экзамену? Ну что ж, похвально.

– Да нет, просто так. До экзамена ещё десять дней. Успею. Два дня я решил отдохнуть. Покатаюсь по городу, съезжу к друзьям. А уж потом приступлю к подготовке со свежими силами.

– А старые-то куда делись? – хмыкнул отец.

– Правильно, правильно. Ребенку надо отдохнуть, – поддержала Алексея сидящая здесь же за столом Пелагея Матвеевна, которая по сути была завхозом в доме.

– Ну-ну, ребеночек, отдыхай. Я приеду вечером, где-то к десяти. Я хочу, чтобы к этому времени ты был дома. Никаких клубов до сдачи всех экзаменов – последние слова отец проговорил твердым тоном.

– Мне уже восемнадцать лет. Я могу делать, что хочу, – попробовал протестовать Алексей.

– Можешь, но не будешь, – Петр Павлович встал из-за стола и вышел из столовой.

– Ну что ты, Алешенька. Папа ведь прав. Всё-таки но-

чью надо спать, чтобы накопить силы к экзаменам, – Пелагея Матвеевна всегда мягко старалась наставлять Алексея на путь истинный.

– Ладно, тетя, не скучайте. Я поеду покатаюсь, – Алексей закончил завтрак и ушел.

Глава 2

Петр Павлович был предпринимателем средней руки, то есть у него была сеть магазинов и торговых складов. У него был трехэтажный кирпичный дом в Ближнем Подмоскowie на Северо-Западе, а также несколько квартир в самой Москве. Гараж его состоял из шести автомобилей. И хотя у него был личный шофер, но зачастую он водил машину сам, так как любил это делать ещё с юности. Его состояние измерялось несколькими миллионами условных единиц, но какое именно число заключалось в слове «несколько», никто не знал, в том числе и налоговая инспекция. В свои сорок восемь лет он был подтянут и подвижен, хотя седина на висках вместе холодным и несколько усталым взглядом говорили правду о его возрасте.

Алексей был его единственным сыном. Его жена, мать Алексея, умерла на следующий день после родов. Синдром диссеминированного внутрисосудистого свертывания крови – ДВС. И все усилия врачей оказались напрасны. Да, в девяностые годы в провинции нелегко было найти сразу несколько литров свежемороженой плазмы, которые в той ситуации могли бы прогнать смерть. Тогда Петр Павлович ре-

шил сделать всё возможное, чтобы его сын никогда не стал бы жертвой подобных ударов жизни. Он занялся бизнесом. Больше Петр Павлович не женился. Хотя постоянно симпатичные молодые женщины так и крутились вокруг него, тем не менее ни одной из них он не позволил переступить порога своего дома.

Он баловал сына, покупал ему всё лучшее, но вместе с тем иногда старался проводить с сыном беседы на жизненные темы, которые, однако, быстро прекращались из-за недостатка терпения обоих участников таких бесед. Если у сына возникали какие-либо сложности в жизни, в учебе или в отношениях со сверстниками, Петр Павлович всегда быстро всё решал. Правда, методы его решений были несколько однообразными – либо угрозы, либо подкуп.

Пелагея Матвеевна была младшей сестрой тещи Петра Павловича, старой девой шестидесяти шести лет. Таким образом, Алексей ей приходился внучатым племянником. Теща, тесть и родители Петра Павловича давно умерли. Других близких родственников у них не было. Сразу после смерти матери Алексея Пелагея Матвеевна переехала к ним жить, чтобы помогать воспитывать ребенка и вести домашнее хозяйство. Как и любая старая дева, она всю радость жизни видела в ребенке.

Алексей был активным, смышленным и любознательным ребенком. Все его желания, особенно материальные, быстро исполнялись. Так как ему не надо было самому прикла-

дывать усилий для исполнения своих желаний, то со временем его активность несколько снизилась – в ней не было особой необходимости. К последнему классу школы, в которой учились только дети обеспеченных людей, учителя между собой характеризовали Алексея словом «зажрался», хотя он был подтянутым, даже несколько худощавым юношей.

Отца заботило, что Алексей не высказывает определенных желаний о своем дальнейшем образовании. Предпринимателем Петр Павлович видеть Алексея не хотел ни за что – ведь и сам Петр Павлович стал предпринимателем, если можно так выразиться, по необходимости. Учитывая математический склад ума сына, отец рекомендовал ему поступить на факультет информатики и вычислительной техники. Алексей не спорил и поступил. На учёбу он не жаловался. Но перед зимней сессией Алексей не получил допуск к зачету по философии. Петр Павлович всё решил, и Алексей «сдал» зачет на «отлично». После этого, особенно теперь, перед летней сессией в конце первого курса, у Алексея появилась какая-то апатия, учеба его совсем перестала интересовать. Петра Павловича это немного беспокоило, но он списывал всё на юношескую беспечность Алексея. На самом деле Алексею просто скучно стало жить, не к чему стремиться, так как Петр Павлович всё в жизни решал за него.

Глава 3

Алексей сел в свой любимый автомобиль. «Моя поршивка» – ласково называл он свою машину. Автомобиль был

темно-синего цвета, «цвета ночного неба» говорил Алексей, без каких бы то ни было рисунков и надписей. К разукрашенным машинам, с глупыми надписями, претендующими на звание афоризмов, Алексей относился презрительно.

Он выехал из их элитного поселка, по МКАД направился на юг и свернул на шоссе в сторону Серпухова. Здесь развить слишком большую скорость на длинном участке было сложно, но можно было ехать довольно быстро, смотреть по сторонам и думать, о чем заблагорассудится.

Сначала Алексей думал о девушках на своём курсе – они все вполне симпатичные, но какие-то примитивные, Алексею с ними быстро становилось скучно. Ребята на курсе тоже особо умом не блистали. Только вот с Сергеем было интересно общаться Алексею.

Сергей был москвич, жил с матерью в квартире в многоквартирном доме, но, судя по всему, с материальным обеспечением у него было не всё хорошо. Сергей отлично учился, был активным студентом, много знал в разных областях и высказывал оригинальные умозаключения. Всё это сблизило двух ребят, несмотря на разное социальное положение. Сергей несколько раз был в доме у Алексея – Петр Павлович был строг к поведению других людей, но в плане социального положения человека он был вполне демократичен. Однако Сергей никого никогда не приглашал к себе домой, в том числе и Алексея. Алексея это не задевало, но немного заинтриговывало. Алексей подумал, что сегодня есть повод

заехать к Сергею, чтобы взять несколько пропущенных лекций. Другие студенты зачастую записывали лекции на диктофон или на видеокамеру. Но потом воспринимать материал с таких записей было трудно. Сергей же по старинке записывал лекции в толстую тетрадь, причем записывал не автоматически всё подряд, а только основное. Алексею такие записи лекций Сергея нравились, по прочтении этих записей материал лекций отлично усваивался. Собственно, сейчас Алексею не столько нужны были записи лекций, сколько просто хотелось побывать у Сергея дома.

– Привет, Серега. Ты где сейчас? Дома? Целый день будешь готовиться? Ну-ну. Да, я тоже готовлюсь. Ну, ладно, давай, – Алексей положил смартфон.

Потом Алексей стал наблюдать окружающие виды и периодически усмехаться над другими автомобилистами. Ехать так и ни о чем не думать было приятно.

Алексей доехал до Оки, остановился и выбрался из машины. Постоял пять минут, смотря на реку. «Если её называть рекой, то меня надо называть сильномогучим богатырем», – подумал Алексей. Он сел обратно в машину и направился назад в сторону Москвы.

Прежде чем заехать с визитом к Сергею Алексей решил спокойно покататься по московским улицам.

На одном из центральных проспектов его внимание привлекла странная ситуация. Проезжая часть улицы была практически пустая. Скорость у Алексея была небольшой. Впере-

ди дорогу переходил человек лет тридцати. Он шел не спеша, хотя проезжая дорога была широкой и зеленый сигнал светофора уже мигал, сигнализируя о скором переключении на желтый свет. С противоположного конца проспекта показалась автомашина, ещё более крутая и шикарная, чем у Алексея. За рулем сидел молодой парень. Увидев впереди пешехода на проезжей части и желтый сигнал светофора, парень надавил на газ, машина резко набрала скорость. Судя по всему, парень рассчитывал на то, что пешеход сейчас внезапно испугается и побежит, и на это будет смешно посмотреть. Таких молодых дурачков на дорогах машинах в Москве Алексей видел довольно часто и презирал их – нет, не за то, что они были богатыми, а за то, что они были глупыми. Но человек, переходящий проспект, почему-то не побежал и даже не повернул голову на стремительно приближающуюся к нему опасность. «Глухой или задумался» – промелькнуло в голове у Алексея. Он приготовился увидеть, как мчащаяся машина сейчас отшвырнет человека. Вид этого предстоящего несчастья не был бы приятен Алексею, но не смотреть на совершающееся событие он не мог.

Однако далее произошло совсем не то, что он ожидал. С пешеходом ничего не произошло, он как ни в чем не бывало продолжил свой путь. А вот автомашина, не сбавляя скорости, подлетела и вдруг сразу как-то остановилась в полуметре от пешехода. Точнее остановилась её передняя часть, а задняя часть продолжала двигаться вперед, постепенно

сплющивая весь автомобиль кпереди. Это длилось доли секунды.

Алексей смотрел и не мог себе уяснить, что же именно только что произошло. Было похоже на то, как если бы автомобиль на полном ходу врезался в бетонную стену. Проблема восприятия этого события заключалась в том, что никакой стены перед сплюсненным автомобилем не было. Алексей остановился.

Между тем пешеход, всё так же не обращая никакого внимания на окружающее и не изменяя скорости ходьбы, скрылся из виду между домами.

Тут же неизвестно откуда вокруг разбившейся автомашины собралась толпа.

– Вроде живой... Вызовите скорую... А свидетели есть? – доносились голоса из места скопления людей.

Алексей понял, что свидетелем он быть никак не может. Не потому что он не хотел быть свидетелем, а потому что он не знал, что об этом рассказать. Он всё видел, но если он честно расскажет обо всём, то его, наверняка, отправят к психиатру. Доказывать потом всем этим людишкам, что ты не дурак, было бы унижительным. Надо было уезжать. Алексей нажал на газ.

Подрулив к подъезду многоэтажного дома Сергея, Алексей остановился и несколько минут сидел в машине, раздумывая. Взяв смартфон, он позвонил Сергею.

– Это я... Дашь мне конспекты к экзамену?... В цело-

сти и сохранности... Сейчас... Внизу у твоего подъезда. – Несколько мгновений в трубке была тишина. – Иду.

Сергей жил на восьмом этаже. Алексей в первый раз шел к нему домой. Поднявшись на лифте и нажав на кнопку звонка, Алексей около минуты подождал. Потом дверь отворилась. Алексей зашел в квартиру. После улицы и яркого дневного света в коридоре квартиры казалось темновато.

– Вот, держи, – Сергей подал толстую тетрадь.

– Спасибо... На улице жара... Дай попить воды... только кипяченной, – добавил Алексей, всегда помня, что в этом отношении он похож на поэта Маяковского.

Сергей замялся.

– Ну... проходи, – Сергей показал на комнату, служившую залом.

Алексей прошел. В комнате стояли письменный стол со стулом, диван, два кресла, шкаф и телевизор у окна. На полу палас, на стене ковер. Такая обстановка комнаты, вероятно, сохранялась немало лет. На письменном столе лежали книги, тетради, какие-то исписанные бумаги. Стоявший здесь же на столе ноутбук являлся контрастом ко всем остальным вещам.

Сергей пошел за водой на кухню, которая была смежной с залом. Вход во вторую комнату располагался в конце коридора. В квартире было тихо.

«Так жить тоже можно. Не шикарно, но прилично. Есть даже какой-то уют» – подумал Алексей.

– Держи, – Сергей протянул ему бокал с водой.

Алексей отпил несколько глотков.

– Через четыре дня привезу, – Алексей потряс тетрадь с конспектами лекций.

– Ладно-ладно. Я их уже перечитал. Можешь привезти за день до экзамена. Ну, давай, – Сергей как будто бы куда-то торопился.

– Сережа, ты дома? – послышался тихий женский голос из второй комнаты.

Сергей побледнел и быстро вышел в другую комнату. Алексей из-за любопытства через секунду последовал за ним. Остановившись в середине коридора, Алексей увидел во второй комнате кровать, на которой под одеялом лежала женщина. Судя по всему это была мать Сергея. Трудно сказать, сколько ей было лет – судя по внешнему виду, больше шестидесяти, но когда-то раньше, когда в начале первого курса они познакомились, Сергей говорил Алексею, что его матери пятьдесят один год. Сергей подошел к её постели.

– Да-да. Я дома. Не волнуйся, – тихо и быстро сказал Сергей.

– Серёженька..., – медленно и ласково произнесла женщина, вытянув вперед свою руку и погладив по руке Алексея. Видно было, что она успокоилась, увидев сына рядом.

Алексей проглотил слюну и на цыпочках вышел к входной двери из квартиры.

– Ну, увидимся на экзамене, – сказал Сергей, также вы-

шедши из комнаты в коридор.

– Да, конечно, – опустив глаза, проговорил Алексей.

– Медленная вирусная инфекция... Разрушение нейронов... Она же биолог... Десять лет назад изучала обезьян и укололась, – как-то виновато и быстро произнес Сергей, закрывая за Алексеем дверь квартиры.

До конца дня Алексей злился на себя.

Глава 4

– Ну, что сегодня делал? – спросил вечером Алексея отец.

– Катался, – ответил Алексей.

Ответ сына не понравился Петру Павловичу – каким-то отстраненным и безразличным был этот ответ, по сути это значило «отвяжитесь все от меня».

– А завтра чем займешься?

– Буду готовиться.

– Студент наш, – проговорила Пелагея Матвеевна, ласково глядя на Алексея.

Петр Павлович хотел спросить что-то ещё, но раздумал. Допив вечерний чай, он засел за свой компьютер, чтобы посмотреть новости и почитать проект соглашения с новыми поставщиками.

Пелагея Матвеевна начала просмотр по телевизору очередной порции сериала о трудностях любви.

Алексей поднялся к себе в комнату. Он, как и отец, вечера проводил за своим ноутбуком. Но сфера его интересов была другой – он смотрел видеоролики и общался в соци-

альных сетях. Новости его также интересовали, но другой направленности – в отличие от отца, читающего общественно-политические и экономические новости, его интересовали необычные факты и события, после просмотра которых можно было бы удивиться или посмеяться.

Однако сегодня нахождение в интернете продлилось дольше обычного. После прохождения «обязательной программы» Алексей набрал в поисковой строке «медленные вирусные инфекции». В ответ появились ссылки на множество статей. Прочитав первые три из них, Алексей составил себе представление по этому вопросу. Во-первых, причина этих болезней была не полностью изученной – и не вирусы, и не биологические вещества, а какие-то «саморазмножающиеся белки», прионы. В описании того, как эти белки «саморазмножаются», каждый исследователь включал свою фантазию на полную мощность. «Много знает, но мало понимает» – так Петр Павлович обычно говорил о человеке, пытавшемся изобразить из себя знатока-эксперта в чем-либо; к тому же выводу об авторах данных статей пришел и Алексей. Во-вторых, эффективного лечения, способного хотя бы затормозить развитие этих инфекций, не существовало. «Если ничего нельзя сделать, то нечего об этом постоянно думать и жалеть» – следуя наставлению отца, Алексей перестал думать об этих страшных и непонятных болезнях.

Потом Алексей захотел узнать что-нибудь и разобраться в том дорожно-транспортном происшествии, свидетелем

которого он сегодня был. Но никаких новостей, касающихся данного происшествия, ни в одном из информационных агентств не было. Захотев понять причину того, что он видел, Алексей не смог даже сформулировать запрос. «Автомашина врезалась в невидимую стену» – ничего умнее Алексей придумать для запроса не смог. Видя бесплодность своих попыток разобраться в сути данного происшествия, Алексей и об этом тоже перестал заботиться. Заглянув ещё раз в социальные сети, он заснул.

На следующее утро, хотя Алексей и проснулся поздно, у него болела голова и ощущалась разбитость во всем теле. Было неприятно глотать, как будто что-то мешало. Спустившись вниз к завтраку, Алексей застал только Пелагею Матвеевну. Отец уже уехал на работу. Аппетита не было. Поковырявшись в тарелке, Алексей отставил её и начал пить кофе.

– Что-то ты и не поел ничего, – встревожено спросила Пелагея Матвеевна. – Уж не заболел ли? Наверное, простудился. И погода теплая. Всё твоя машина, чтоб она сломалась – одни сквозняки.

– Тетя, не начинай. Ничего я не простудился. Просто не хочу.

Вдруг Алексей закашлялся. Кашель был сухой, но упорный и длительный, так что у Алексея в конце концов выступили слезы и перестало хватать воздуха. Пелагея Матвеевна не на шутку встревожилась.

– Э-э... нет, голубчик. Так дело не пойдет, – решительно сказала она и вызвала на дом врача из платной клиники. – А пока измерь-ка температуру.

– Делать тебе нечего. Придумала ещё, – попробовал сопротивляться Алексей, но сдался.

Температура оказалась почти нормальная, тридцать семь и ноль.

Приехал врач. Он осмотрел Алексея, послушал, постучал, пощупал и задумался.

– Простудился? Воспаления легких нет? – начала допрос Пелагея Матвеевна.

– Вот что... Вам надо бы показаться к эндокринологу, – как бы продолжая размышлять, сказал врач.

– Зачем? – удивился Алексей.

– Надо бы проверить щитовидную железу.

Врач уехал. Пелагея Матвеевна позвонила Петру Павловичу.

Через двадцать минут Петр Павлович был уже дома. Машину он вел не сам, а взял своего водителя Диму, молодого человека тридцати лет, который был также помощником во всех тех делах, где требовались физические сила и ловкость. Наличие водителя за рулем его автомобиля говорило о том, что Петр Павлович был в данное время сильно взволнован.

– Что это с тобой такое случилось? – спросил Петр Павлович сына наигранно весело.

– Ничего. Это всё тетя панику разводит, – ответил Алек-

сей.

Однако, услышав этот ответ, Петр Павлович встревожился ещё больше. Он позвонил в платную клинику и через минуту приказал Алексею:

– Поехали.

Когда они выходили из дома, Пелагея Матвеевна вслед перекрестила их.

Глава 5

– Я вам звонил насчет эндокринолога, – сказал Петр Павлович девушке в регистратуре.

Это не была та регистратура, которую Петр Павлович видел в городской поликлинике лет двадцать назад, куда ему пришлось обращаться по поводу резаной раны плеча. Тогда в поликлинике перед регистратурой толпился народ, было душно, все кричали, солидные женщины из окошка кричали в ответ, и было трудно понять, как от посещения такого места больному человеку может стать лучше.

Здесь всё было по-другому. Народу в помещении почти не было, только один человек записывался к кардиологу. Было чисто, светло, свежо, спокойно. Никаких шкафов с полками, заполненными бумажными медицинскими картами, не было. По ту сторону стойки за компьютером сидела единственная регистраторша приятной наружности.

– Да, кабинет восемнадцать. Прямо и налево. Пожалуйста, проходите, – мягким голосом сказала девушка и показала рукой направление, куда следовало идти.

Петр Павлович не доверял внешнему виду ни людей, ни организаций. Для него главным было содержание. К врачам по поводу болезней он давно не обращался. Но его партнеры и приятели в бизнесе говорили, что необходимо иметь своих врачей и регулярно проходить обследование у них – такое поведение показывало высокое положение человека и поэтому было модным. Тогда по их совету и хорошим отзывам Петр Павлович выбрал эту платную клинику, в которую он раз в полгода наведывался «провериться» за компанию. Теперь же он просто не знал, куда еще можно обратиться.

В коридоре было пусто и тихо. Петр Павлович стукнул один раз в дверь кабинета и, не дожидаясь ответа, открыл ее и вошел.

После рассказа о том, что случилось, и осмотра Алексея эндокринолог радостным голосом произнес:

– Надо сделать пункцию узла щитовидной железы. Это обычной иглой делается укол и берется капля содержимого, а потом это смотрят под микроскопом, чтобы узнать, какая болезнь там имеется. Это быстро и безопасно. Если вы согласны, то я вам это сейчас и сделаю.

Петр Павлович секунду подумал и согласился:

– Хорошо. После этого вы нам сегодня скажете точный ответ и назначите лечение?

– Разумеется.

– А может быть можно обойтись и без укола? – впервые за все время пребывания в кабинете врача вставил свой голос

Алексей.

– Нет, это надо сделать обязательно, – мягко и настойчиво ответил врач.

Алексей ничего не сказал в ответ. Это безразличие сына всегда вызывало недовольство Петра Павловича, а сейчас оно только усилило его тревогу.

Алексей с эндокринологом прошли в процедурный кабинет и через пять минут возвратились оттуда. Петр Павлович ждал в коридоре на стуле.

– Вам надо будет подождать минут сорок, – сообщил врач, вернувшись с Алексеем, и добавил, – через час ответ точно будет готов.

Петр Павлович и Алексей вернулись в холл клиники и стали ждать, выходить на улицу не хотелось. Так они просидели час, наблюдая за работой девушки-регистраторши, которая не обращала на них никакого внимания.

Через час они вернулись в кабинет эндокринолога. Врач был чем-то несколько смущен, глаза его были опущены к столу, в руках он теребил небольшой бумажный пакетик.

– Вот что... Стекла с результатом пункции посмотрел под микроскопом наш врач-морфолог. Воспаления щитовидной железы там нет... Вам надо бы проконсультироваться в институте онкологии. Во всяком случае, эти стекла надо бы посмотреть в их лаборатории, – эндокринолог протянул Петру Павловичу бумажный пакетик.

– Выйди в коридор и жди меня там, – твердым голосом

сказал Петр Павлович Алексею. После того, как закрылась дверь, он обратился к врачу:

– Я вас правильно понял?

– Ну, пока что это подозрение... Надо уточнить... Нужно заключение двух независимых морфологов... Если подтвердится диагноз, то лечением должны заниматься именно там, в институте онкологии.

Петр Павлович взял со стола бумажный пакетик, встал и молча вышел из кабинета.

Алексей сидел в холле и что-то читал на экране своего смартфона. Петр Павлович в коридоре сделал несколько звонков, постоял минуту, медленно и глубоко дыша, потом подошел к Алексею.

– Сейчас съездим еще в одно место.

– «Институт онкологии является ведущим медицинским учреждением в стране в области лечения рака», – процитировал Алексей прочитанный текст в смартфоне и, усмехнувшись, добавил, – звучит обнадеживающе.

– Не болтай. Пошли, – решительно и спокойно произнес Петр Павлович, выходя из холла клиники.

Ехать надо было на другой конец Москвы. Водитель Дима знал все объездные пути, поэтому в пробках им стоять не пришлось. За время пути никто не произнес ни слова. Через полчаса они были на месте около огромного беловато-сероватого здания.

В здании имелось четыре этажа, но оно было очень длин-

ное. По бокам к основному зданию института примыкали несколько зданий поменьше, также состоящие из четырех этажей и соединенные с основным зданием переходами. В середине длины главного здания располагалась башня из двадцати шести этажей. Сам вид онкологического института должен был внушать приближающимся людям почтение и уверенность в том, что здесь собрались важные люди не для того, чтобы впустую проводить время и пить чай, а для неусыпного решения судьбоносных вопросов.

– Мы к доценту Ахметзянову Сурену Ильхамовичу. По договоренности. На нас должны быть заказаны пропуска, – объяснил охраннику Петр Павлович.

Он с Алексеем прошел вовнутрь и после блуждания по бесчисленным коридорам подошел к кабинету с золотой табличкой, на которой значились звание и имя-отчество-фамилия хозяина кабинета.

Как и всегда, Петр Павлович, стукнув в дверь, вошел в кабинет, не дожидаясь ответа. Ахметзянов вежливо взял пакетик со стеклами, вызвал по телефону медсестру.

– Это в морфологическую лабораторию на срочное исследование, – передал он стекла медсестре, которая сейчас же вышла из кабинета. – А вы пока подождите в коридоре минут двадцать, – добавил он, обращаясь к двум посетителям.

Ахметзянов разговаривал вежливо, но несколько надменно. Чувствовалось, что он большого мнения о своем месте работы. «На хромой козе не подъедешь», – говорила обычно

про таких людей Пелагея Матвеевна.

В длинных полупустынных коридорах онкологического института вдоль стен периодически стояли пластмассовые стулья, соединенные по четыре. Было тихо. Иногда по коридору проходили люди – сотрудники, пациенты, родственники. Они переговаривались почему-то шепотом. Лица у всех были серьезные. Во всей обстановке института витало ощущение ожидания чего-то важного.

Через полчаса та же медсестра вернулась, зашла и вышла из кабинета.

– Сурен Ильхамович зовет вас, – сообщила она Петру Павловичу и ушла.

Петр Павлович и Алексей вошли в кабинет. Ахметзянов отдал пакетик со стеклами.

– Это анапластическая бластома, то есть злокачественная опухоль, – важно сказал Ахметзянов.

Петр Павлович заметил про себя, что за все время пребывания в здании онкологического института он ни разу не слышал слова «рак». В обрывках разговоров встречались слова «бластома», «неоплазма», «карцинома», «опухоль»; но «рак» – никогда, как будто это слово было табу.

– Я слышал, что опухоли щитовидной железы сейчас успешно лечат, – с надеждой сказал Петр Павлович.

Ахметзянов снисходительно улыбнулся.

– Эти опухоли бывают разные. Чаще всего бывает фолликулярная, она лучше всех лечится. Реже бывает папилляр-

ная, она лечится сложнее, но тоже неплохо. А вот анапластическая бывает редко совсем, и она не лечится, – с некоторой долей удовольствия от возможности продемонстрировать свои знания произнес Ахметзянов.

– В каком смысле «не лечится»? – Петр Павлович почувствовал, что не может себе позволить понять смысл услышанного. Алексей хмыкнул.

– Э-э-э, – Ахметзянов растерялся и не знал, что ответить. Потом как будто он что-то вспомнил, – вы сходите, проконсультируйтесь у профессора Гольденблюма. Одну минуту...

Он взял мобильный телефон и позвонил.

– Ефим Моисеевич... Приветствую... Можете говорить? Я к вам сейчас направлю двух человек, отец и сын восемнадцать лет. Анапластическая опухоль щитовидной железы... Ну, да... Вы сами там с ними поговорите... Не за что...

Ахметзянов повернулся к Петру Павловичу.

– Профессор Гольденблюм вас сейчас примет. Идите прямо к нему, в четыреста двадцать второй кабинет. Это туда..., – Ахметзянов махнул рукой, показывая направление движения.

Петр Павлович и Алексей вышли снова в коридор и направились в заданном направлении. Однако кабинет с нужным номером по пути не попадался. Петр Павлович огляделся по сторонам и заметил женщину лет сорока, в белом халате, шедшую позади них в ту же сторону. Он остановился и подождал, пока женщина не поравнялась с ними.

– Не подскажите, как пройти к четыреста двадцать второму кабинету? – спросил Петр Павлович.

– К Гольденблюму? – с чувством сожаления ответила женщина. – Пойдемте.

Они сделали несколько поворотов, поднялись на один этаж и потом опять спустились.

– Кто вас к нему направил? – поинтересовалась их проводница.

Петр Павлович в общих чертах рассказал ей об их деле.

– Сначала приезжает за тысячу километров в Москву и на деньги родственников поступает в институт. Потом на первом курсе ходит на демонстрации и носит плакат «Москва – для москвичей», потому что за это платят деньги. На шестом курсе женится на дочери декана, чтобы остаться в Москве. А теперь направляет к Гольденблюму..., – как бы рассказывая это самой себе, говорила женщина.

Они шли по коридорам онкологического института уже минут пять.

– Это здесь, – женщина показала на дверь кабинета с золотой табличкой.

Она на секунду остановилась, оглянулась по сторонам и доверительно произнесла:

– Вам надо обратиться к доктору Кузнецову Дмитрию Викторовичу.

Не добавив больше ничего, женщина быстро ушла вперед и скрылась за поворотом коридора института.

Петр Павлович не обратил на ее слова никакого внимания. Стукнув в дверь кабинета, он зашел.

– А я вас ждал. Проходите, пожалуйста, садитесь, – голос профессора Гольденблюма был мягким, теплым и обволакивающим.

– Сурен Ильхамович сказал, что вы проконсультируете моего сына. Вы можете нам помочь? – начал Петр Павлович.

– Ну, разумеется, я постараюсь сделать всё возможное. Коллега Ахметзянов познакомил меня с вашей ситуацией, – голос Гольденблюма стал заискивающим. – Стандартов лечения вашего заболевания нет, но я вам предлагаю лечение природными средствами. Вреда не будет, а польза есть, по крайней мере, для общего самочувствия.

Гольденблюм протянул жестяную цилиндрическую банку с яркой красной надписью «Суперздоровье».

– Что это? – поинтересовался Петр Павлович.

– Капсулы. На основе экологически чистых трав и биологически активных медовых веществ, которые производятся лесными пчелами в заповедных районах Евразии. Недорого, восемьдесят тысяч за упаковку, сто капсул. По одной капсуле три раза в день. Курс лечения не менее одного года, – Гольденблюм произнес свою речь на одном дыхании.

– Вы думаете, Ефим Моисеевич, что это поможет? – тихо спросил Петр Павлович, прекрасно знавший способы продажи различных товаров.

К счастью для Гольденблюма близости не было тяжелых

предметов. Петр Павлович сцепил пальцы обеих рук.

– Конечно. Сейчас такие трудные времена. Люди должны помогать друг другу. Из-за правительства люди голодают. Мы делаем все возможное для людей, – настойчиво говорил Гольденблюм, позади которого на маленьком столике располагалась тарелка с пятью бутербродами с красной икрой и с тремя – с черной.

Петр Павлович больше не мог оставаться здесь. Он быстро встал и вышел из кабинета. Алексей последовал за ним.

Домой они приехали вечером.

Глава 6

Сказав Пелагее Матвеевне, что «всё нормально», и наспех поужинав, Петр Павлович и Алексей ушли каждый в свою спальню.

Вечер перешел в ночь. Ночь была темная. В эту ночь было новолуние. Тонкая полоска Луны периодически закрывалась облаками, и тогда на улице наступала полная тьма.

Алексей лежал на кровати и думал. Что будет завтра? Сколько времени еще имеется у него? Как это время потратить? Надо сделать то, что он планировал, но не сделал. А что он планировал? Оказалось, что ничего. Тогда надо оторваться на полную катушку, испытать все удовольствия, какие только можно придумать. Но он вроде и раньше себе ни в чем не отказывал. Но сейчас нет никаких моральных ограничений, и можно себе позволить то, что раньше он себе не позволял, потому что теперь не перед кем будет отвечать. А

что дальше? Невозможно было подумать, что дальше ничего нет, так как это противоречило логике. Значит, дальше что-то будет. А что именно будет? Алексей подумал, что «там» он сможет встретиться с матерью, которую он никогда не видел, и поэтому он мог приписывать ей любые самые прекрасные слова и дела. Как они «там» будут жить? Неизвестно, как конкретно, но то, что это будет интересная жизнь, Алексей не сомневался. А что будет «здесь» с отцом и с теткой? Как они «здесь» потом будут жить? Да как-нибудь, будут жить как и раньше. О них Алексей не волновался. Но о чем «там» он будет говорить с матерью? Как «там» будет организован и чем «там» будет наполнен день? Мечтая об этом, Алексей заснул.

Петр Павлович сначала лег, потом встал и ходил из угла в угол своей спальни, потом сел за письменный стол и стал стучать пальцами по столу. Невозможно было ничего не делать, надо было постоянно двигаться – тогда мысли как-то рассеивались, и возникала возможность, что голова не разлетится на куски. Еще утром у Петра Павловича были какие-то планы на будущее, а теперь никаких планов не было, потому что не было будущего. Впереди, справа и слева – везде – была только сплошная темнота, в которой не было ничего. Пустая, бессмысленная, бесформенная, безграничная темнота. Такое ощущение у Петра Павловича уже было много лет назад, когда он узнал, что его жены, матери Алексея, не стало. Но тогда был Алексей, продолжение Петра Павловича, его

будущее. Поэтому тогда темнота постепенно расступилась и пропала. А теперь не было причин, чтобы темнота рассеялась. Темнота, казалось, наступила навсегда.

Пусть было бы не так, пусть кто-нибудь угрожал бы Алексею, хотя бы все бандиты мира. Вот было бы хорошо! Тогда у Петра Павловича не было бы никаких сдерживающих факторов – ни моральных, ни материальных. Он бы уничтожил всех бандитов, не обращая внимания на средства, он бы защитил Алексея любым способом. У Петра Павловича и сейчас не было моральных сдерживающих факторов. Но что надо было делать, чтобы спасти Алексея? Что делать?! А вот этого-то Петр Павлович и не знал.

Он прокручивал в голове весь сегодняшний день. Внезапно движение его памяти остановилось на женщине в белом халате, которая была их проводником в лабиринте коридоров онкологического института. Странная женщина. Помнится, она много говорила. А в конце она сказала... что-то такое она сказала... что-то такое, в чем была надежда. «Надо обратиться...» К кому? Как же она назвала этого человека? Простое, распространенное имя... Как фамилия Смит в Америке. Кузнецов Дмитрий Викторович. «Вам надо обратиться к доктору Кузнецову Дмитрию Викторовичу», – именно так она сказала.

А кто же это такой, Кузнецов Дмитрий Викторович? Петр Павлович включил свой ноутбук, вошел в интернет и набрал в поисковой строке фамилию-имя-отчество, которые

он вспомнил. Появилось множество ссылок. Петр Павлович стал заходить по каждой ссылке подряд и читать. Это уже было осмысленное занятие. Тяжесть на душе чуть-чуть уменьшилась.

Оказалось, что этот самый Кузнецов Дмитрий Викторович является весьма необычным человеком. Где-то его ругали последними словами, а где-то превозносили до небес. Он несколько раз докладывал свои теории на заседаниях ученых обществ. Но все его теории противоречили принятым научным представлениям. Поэтому его изгоняли из всех научных обществ. Он перестал контактировать с официальными научными организациями. Он уехал куда-то далеко, неизвестно куда. Такова неизбежная судьба всех шарлатанов, осмеливающихся относиться без уважения к общепризнанным теориям, к их авторам и к их ученикам. Но стали появляться слухи, что где-то далеко на Севере, где-то на Таймыре, на просторах тундры Кузнецов построил себе не то дворец, не то лабораторию, живет там отшельником, но у него есть один или два помощника из местных ненцев. И вот с помощью тайного колдовства этих ненцев Кузнецов делает чудеса, отменяет по своему желанию законы природы, может появиться в любое время в любом месте, знает все сокровенные тайны всех людей, с помощью мертвой и живой воды возвращает жизнь умирающим людям. Чего? С помощью чего возвращает жизнь? Да, так и написано – «с помощью мертвой и живой воды». Неужели это мимо? «Японская выхухоль», –

выругался Петр Павлович. Тем не менее Петр Павлович записал на бумажке контактную информацию о тех людях, которые перевозили Кузнецова.

Позвонить этим людям или нет? Смогут ли они сказать, как можно связаться с Кузнецовым? А если это пустые сплетни и слухи, небылицы? Но ведь женщина в институте говорила совершенно серьезно. Хорошо, что сейчас ночь и прямо сейчас этим людям позвонить нельзя, надо подождать до утра. До утра можно будет определиться, собраться с мыслями. Петр Павлович не спал всю ночь, сомнения мучили его, его мысли колебались от отчаяния к надежде.

Ранним утром, на рассвете, чтобы как-то развеяться, Петр Павлович вышел из дома, сел в свой автомобиль и поехал кататься по Москве. На улицах были люди, но не было толпы, которая обычно накапливается на улицах Москвы днем. Петр Павлович ездил и бесцельно смотрел по сторонам, наблюдая окружающую жизнь. Он не был сейчас частью этой жизни. Окружающая жизнь и он существовали отдельно друг от друга. Главным отличием между ними было то, что другие люди имели конкретные цели и планы на предстоящий день и на дальнейшее будущее, а он не имел.

Проведя в бесцельной поездке около получаса, Петр Павлович сейчас двигался по небольшой улице в центре Москвы. Здесь его внимание привлек пожилой человек в одежде священника, шедший в сторону стоящей рядом маленькой церкви. Человек шел довольно странно для его рода деятель-

ности – прямые ноги поднимались как у солдат почётного караула, а руки свободно болтались как у подростка. Священник зашел в церковь. Петр Павлович остановил машину, вышел и тоже направился в эту церковь.

Внутри церкви, кроме женщины неопределенного возраста в длинной юбке, в кофте и в платке, сидевшей рядом с церковной лавкой, никого не было. Церковь была маленькая, но красивая. Петр Павлович походил от иконы к иконе вдоль стен. Он уже совершил полный круг и оказался у двери, и в этот момент тот самый странного вида священник вышел из алтаря. Петр Павлович почувствовал, что ему надо сейчас с кем-нибудь поговорить.

– Гражданин священник, – не зная другого способа, обратился Петр Павлович.

– Называйте меня брат Андрей, – подойдя к нему, сказал священник.

– Брат Андрей, я бы хотел спросить вас... Ведь нельзя отчаиваться, так?

– В этой жизни всегда есть возможность исправить то, что человек испортил. Надо только твердо стать на правильный путь.

– А если надежды нет? Если впереди пустота? Если нечего больше ждать? Что, молиться надо? – насильно усмехнувшись спросил Петр Павлович.

– Надо верить. В православной церкви ближе к изначальной сути и наиболее полно сохраняются высочайшие нрав-

ственные идеалы, от которых все другие церкви далеко отошли. Многие думают, что христианство состоит в том, чтобы ограничивать свои проявления жизни, жить в затворничестве и грустить. Это совершенно противоречит христианству. Грехи уменьшают проявления жизни и суживают жизнь. Добродетели увеличивают проявления жизни и расширяют жизнь. На самом деле, целью христианства является полная радостная вечная жизнь. «Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком.»

– А есть что-то за пределами этого мира и этой жизни? Есть во что верить?

– Для исследования материального мира есть материальные законы и методы. Для исследования нравственного мира есть нравственные законы и методы. Когда их путают, то получается чушь. Однако, сама суть существования мира и его изменений точно говорит о существовании Бога.

– «Нравственного мира»... Где эта нравственность? Одна злоба осталась.

– Каждый человек хочет уважать сам себя, считать себя честным человеком. Но чтобы быть честным человеком, надо много трудиться над собой. Это трудно. Многие ленятся. В глубине души человек сознаёт, что он хуже, чем он хотел бы быть (даже если он сознательно не признаётся сам себе в этом). Отсюда злоба. Чем больше разница между фактическим нравственным положением человека и тем нравственным положением, в котором он хотел бы сам себя видеть, тем

больше его злоба. Нравственно ленивый человек злобой пытается переложить требования к себе и ответственность за их невыполнение на других, – терпеливо и никуда не спеша, продолжал разговор брат Андрей.

– Да, но как уродлива жизнь... особенно в конце... когда никак нельзя её продлить! – в отчаянии добавил Петр Павлович.

– Красота этого мира – это подарок Бога человеку. В то же время, этот мир – испытание для человека перед вечностью. Сможет ли человек сохранить и оценить Божий дар, достоин ли человек вечной жизни – это решается в жизни человека в этом мире. Сохранение красоты этого мира – это первая ступень к сохранению красоты человеческого общения, к возможности вечной жизни. Хорошая жизнь – это интересная и полная жизнь, которая состоит из роскоши постоянного благожелательного человеческого общения, и которая даёт надежду на бесконечное продолжение такой жизни.

– Какое «благожелательное общение»?! Где оно?! Ведь все относятся друг к другу потребительски, лезут к кормушке, лягаются копытами... – Петру Павловичу надо было выговориться.

– Нельзя жить как животное – надо жить как человек. Бог дает людям возможность приподняться до уровня сынов Божиих, достойных Царствия Небесного. Враг людей пытается принизить человека до уровня животного. Воспользуется ли человек той возможностью, которую ему дает Бог или не

воспользуется – зависит только от человека.

– А что делать, если твой сын умирает и помощи ждать неоткуда?! – от общих рассуждений к конкретным вопросам перешел Петр Павлович.

– Он болен? – с участием спросил брат Андрей.

– Да, у него рак. И никто не может помочь.

Брат Андрей на минуту задумался. Потом, как будто решившись, он кивнул головой и тихо, точно опасаясь быть подслушанным, сказал:

– Вам надо обратиться к доктору Кузнецову Дмитрию Викторовичу. В интернете вы найдете информацию о нем.

Петр Павлович был ошарашен и стоял, молча вперив взор в брата Андрея. Потом он спросил:

– А вы его знаете?

– Как же священнику не знать тех, кто совершает чудеса, – уклончиво ответил брат Андрей.

– Он что, святой? Или шарлатан? Вы же священник. Вы верите в магию и в чудеса?

– Нет. Я верю в то, что создано Богом, а не выдуманно людьми. Суеверия – от людей. Чудеса – от Бога. Каждому человеку даны Богом жизнь и зачаток определенного таланта. Но не каждый человек развивает свой талант, причиной является лень. А тот, кто развил свой талант, тоже не создает ничего ранее не существовавшего в мире, но он познает тайны, законы мироздания и красоту мира, созданного Богом. А благодаря его таланту эти тайны, законы и красоту мира по-

знают и другие люди. «Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет», – спокойно объяснил брат Андрей.

– Спасибо за совет. Я подумаю, – закончил разговор Петр Павлович.

– Мир вам, – произнес брат Андрей и ушел.

Петр Павлович купил свечку у женщины в платке, которая строго поглядела на него и что-то пробормотала себе под нос, и подошел к иконе «Нечаянная радость».

– Господи! Выведи меня на правильный путь. Если Алексей останется жив, то я..., – он задумался о том, что надо пообещать. – Я никогда не убью и не покалечу человека. – Он опять на секунду задумался. – Да тех двоих и людьми-то считать нельзя, это были изверги девяностых годов. – Он подумал ещё. – Больше не убью никого.

Петр Павлович твердым шагом вышел из церкви, сел в машину и поехал домой. Теперь у него было решение, которое надо было выполнять

Когда он вошел в дом, Солнце полностью встало над горизонтом.

Глава 7

Самолет совершил посадку в аэропорту Алыкель около Норильска в середине дня. По сравнению с двадцатью восемью градусами в Москве здесь было прохладно, всего пятнадцать градусов. Петр Павлович и Алексей вышли из аэропорта и сели в такси.

– Какой адрес? – спросил водитель.

– Я покажу, – ответил Петр Павлович.

– Да, у нас не заблудишься, – таксист оказался добродушным и разговорчивым парнем около тридцати лет. – Город не то чтобы маленький, но такой... компактный. Пешком за просто можно пройти через весь город..., но только в летний месяц. А зимой бывает, когда пурга, и до соседнего подъезда с трудом доберешься. А иной раз на улицу лучше так и вообще не выходить – сгинешь. Вот в том году был случай – Михалыч, слесарь наш, в феврале вышел из дома и пропал.

– Похищение человека у вас тоже бывает? – поинтересовался Петр Павлович.

– Да ну... какое похищение! Пурга! В магазин вышел за хлебом, метров 100, не больше. Ясно было. Ну, там в магазине туда-сюда, минут пятнадцать пробыл там. И вдруг пурга началась. Ему бы остаться, в магазине-то. А он домой пошел. Вроде близко. А в пургу каждый метр как марафон.

– И что с ним случилось?

– Что... Пропал. В мае нашли. Метров двадцать до дома не дошел. Вот что значит пурга. Да... А так наш город очень хороший, удобный, всё близко. И люди доброжелательные. Я вот как-то был в Москве...

– А что это там за многоэтажные дома вдалеке, сбоку? – прервал таксиста Петр Павлович.

В километре или около того сбоку от шоссе виднелась группа из нескольких девятиэтажных домов, стоящих одино-

ко в чистом поле. Видеть эти дома в этом месте было довольно странно, они явно не вписывались в окружающий ландшафт.

– А... так это думали разместить здесь военную эскадрилью, ещё в советские времена. Вот и построили дома для летчиков, механиков, техников и их семей. А потом раздумали... эскадрилью-то размещать. А дома уже построили. Куда их девать? Вот... стоят.

– То есть пустые, заброшенные? – уточнил Петр Павлович.

– Пустее не бывает, – уточнил водитель.

– Сначала делают, а потом думают. Почему не наоборот? – Алексей впервые за всё время после прилета сюда проявил заинтересованность к окружающему и к происходящему.

– Нам туда, – Петр Павлович махнул рукой в сторону заброшенных домов.

– В смысле? – не понял таксист. – Хотите поближе посмотреть? Да там ничего интересного нет. То же, что и отсюда видно.

– Нам туда, – повторил Петр Павлович. – Довезите нас до этих домов и высадите нас там.

– Ладно, – согласился водитель. – Я могу вас и подождать.

– Нет. Ждать нас не надо. У нас там назначена встреча с моим давним приятелем, ещё по школе. Он обещал нас там встретить и показать местные достопримечательности. Просто он опаздывает и не смог приехать в аэропорт. Вот мы и

договорились встретиться здесь.

В умении правдоподобно врать Петр Павлович был мастер.

– А... ну тогда конечно. Но вдруг он опоздает или что... Кто вас заберет? Вы все-таки на всякий случай возьмите мой номер телефона. Я приеду.

Таксист остановил машину, написал на клочке бумажки свой номер телефона и протянул его Петру Павловичу. Петр Павлович сказал «спасибо», взял бумажку и расплатился.

Отец и сын вышли из такси. Водитель ещё раз взглянул на них с удивлением и уехал. Петр Павлович пошел к крайнему дому, Алексей следовал за ним.

Постояв около пустого входа в подъезд, Петр Павлович обошел вокруг дома, заглянул внутрь. Нигде не было ни души. Даже привычных кошек и собак не наблюдалось. От ощущения заброшенного места становилось немного жутко.

– Нет... Договоренность была точная. Именно здесь и в это время. Просто надо подождать немного, – Петр Павлович, слегка отбивая ладонями простенький ритм, проговорил это, обращаясь к Алексею, но на самом деле для себя.

Прошло десять минут.

– Здравствуйте, – раздался голос за спиной ожидавших.

Из-за угла дома вышел молодой человек, лет двадцати, с характерными для северных народов чертами лица. Лицо было как у мальчика, но голос звучал твердо и спокойно. Он был одет в серые брюки и белую рубашку. Рубашка была сде-

лана из крайне тонкой ткани. Но молодой человек не проявлял ни малейшего признака ощущения холода, его движения были неторопливые и уверенные.

– Я Илте, – представился юноша. – Вы к Дмитрию Викторовичу?

– Да, мы к нему, – подтвердил Петр Павлович.

– Странное имя, – Алексей проявил заинтересованность.

– Значит «радующийся жизни». Я ненец, – объяснил Илье.

– А Дмитрий Викторович? – настороженно спросил Петр Павлович.

– Он доктор, – ответил Илте. – Пойдемте.

– Куда? Далеко? – Петр Павлович забеспокоился.

– Здесь за углом дома моя машина.

Они втроем пошли вдоль фасада пустого дома и завернули за его угол. Там стояла автомашина «Ока» второй модели белого цвета.

Лицо Петра Павловича выразило удивление, но он промолчал. Эта машина напомнила ему пластмассовую машинку его детства, но только немного увеличенную в размерах.

– У вас на «этом» ездят? – не удержался от восклицания Алексей.

По молодости Алексей ещё не мог скрывать свои чувства, и пренебрежение на мгновение искривило его лицо.

– Да, – просто сказал Илте. – Садитесь. Через час мы будем на месте.

– С таксистом мы доехали бы за двадцать минут, – не удержался Петр Павлович, бросая презрительный взгляд на автомобиль, в который они садились.

Петр Павлович и Алексей разместились на заднем сиденье.

Машина поехала по асфальтовой дороге около домов по направлению от трассы, ведущей из аэропорта в город. В конце этой дороги был тупик.

– Надо было развернуться с самого начала, – недовольно сделал замечание Петр Павлович.

Илте промолчал и продолжал движение в прежнем направлении.

Когда до конца асфальтового покрытия оставалось метров десять, пассажиры почувствовали, что автомобиль стал въезжать как бы на пологий холм, хотя перед этим никакой возвышенности на асфальте они не видели. Потом асфальтовая дорога закончилась. Впереди должны были быть кусты. Однако машина продолжала плавно двигаться в прежнем направлении.

Петр Павлович и Алексей выглянули в окно и на секунду застыли в неподвижности.

Автомобиль двигался над землей на высоте около пяти метров. Постепенно скорость и высота увеличивались. Всё это происходило плавно, бесшумно и не ощущалось людьми в машине.

– А как это она так? – первым вышел из оцепенения и тихо

спросил Алексей.

– За счет магнитного поля Земли. Как бы на магнитной подушке. И энергию для движения тоже берет из магнитного поля Земли. Только для начала движения ей нужно немного топлива. Но со временем она будет усовершенствована, и топлива не будет нужно совсем.

Илте рассказывал об этом, как о совершенно обычных вещах, о которых все знают и к которым все уже давно привыкли.

– И она надежна? Не сломается в дороге? Мы не упадем? – поинтересовался Петр Павлович.

Удивительно, но после первого впечатления, вызванного взглядом из окна движущегося над землей автомобиля, беспокойство Петра Павловича заметно уменьшилось.

– Нет. Она надежней, чем любые другие автомашины, – пояснил Илте.

Между тем автомобиль вышел на крейсерскую скорость. Он двигался над землей на высоте сто метров, со скоростью шестьсот километров в час, в направлении на Север. За окном виднелся темно-зеленый ковер с серыми и коричневыми пятнами. Деревьев не было. Местность была пустынная.

Где-то через полчаса впереди появились то ли высокие холмы, то ли низкие горы, высота которых увеличивалась слева направо, то есть с Запада на Восток.

Машина увеличила высоту полета.

– Горы Бырранга, – сказал Илте. – Самые северные.

Вершины этих гор были серыми с редкими зелеными полосками по склонам. Вдалеке справа виднелись мелкие белые вкрапления ледников.

Петр Павлович и Алексей заморожено, как дети, смотрели в окна машины.

Потом опять пошла ровная поверхность земли. Постепенно соотношение зеленого и серого цвета менялось в пользу последнего.

Через час полета машина опустилась на землю.

– Приехали, – сообщил Илте и вышел из автомобиля.

Петр Павлович и Алексей последовали за ним.

Вокруг была ровная местность, покрытая мелкими камнями с небольшими участками низкой травы и мха.

Как-то нелепо здесь выглядело двухэтажное белое здание, напоминавшее дворец культуры в маленьких городах, но только без колонн. Машина приземлилась в десяти метрах перед входом в это здание.

– Пойдемте, – пригласил Илте и пошел впереди.

– Это где мы сейчас находимся? – Петр Павлович опять забеспокоился.

– Сорок километров от побережья Карского моря. Там дальше в море находится архипелаг Норденшельда.

Петр Павлович понял, что они сейчас находятся далеко на севере.

Между тем они втроем зашли в здание и после короткого коридора оказались в большом округлом помещении, слу-

жившем, видимо, чем-то вроде гостиной. Из этого помещения вели ещё три коридора, кроме того, по которому они пришли. Также было четыре двери в стене между коридорами. Окон не было. Потолок был высоким, пять метров над полом. Мягкий ровный белый свет исходил со всей поверхности потолка. Вдоль стен, между дверьми и коридорами, стояли полки с книгами от пола до потолка. В центре, напротив друг друга, располагались два полукруглых дивана. Между диванами, по бокам от них, находились небольшие столики. Большой стол стоял перед диванами, в самом центре гостиной.

– Садитесь, пожалуйста. Дмитрий Викторович сейчас придет, – пригласил Илте и первым уселся на диван.

Петр Павлович и Алексей уселись на другой диван. Они осмотрелись по сторонам. В подобных местах никто из них раньше ни разу не бывал.

– Здравствуйте. Я Кузнецов Дмитрий Викторович, – раздался голос человека, бесшумно появившегося из-за их спины и усевшегося на противоположный диван недалеко от Илте.

На вид человек был ровесником Петра Павловича. Но только кожа его лица и рук была более гладкой и тонкой. Лицо было тщательно выбритым, ровным и открытым. Но главное отличие было во взгляде. Взгляд был мягким, спокойным, вдумчивым и одновременно интересующимся окружающей действительностью. В этом взгляде не было ни тени

усталости. Одет человек был в черные брюки и синюю рубашку. Рубашка была обыкновенная, какие продаются в магазинах, а не такая, как у Илте.

– Здравствуйте. Это мой сын Алексей. Я по электронной почте посылал результаты его обследований. Вот стёкла с его гистологией, – Петр Павлович протянул бумажный пакетик Дмитрию Викторовичу.

Дмитрий Викторович взял пакетик и передал его Илте.

– Надо будет сделать еще один анализ крови вашего сына, – сказал Дмитрий Викторович. – На полиамины. И посмотри стёкла, – обратился он к Илте.

– Да, доктор, – ответил Илте. – Пойдемте, Алексей.

– Это надолго? – Петр Павлович волновался.

– Десять минут всего, и на анализ крови, и на просмотр стекол, – пояснил Дмитрий Викторович.

Илте и Алексей вышли в один из коридоров.

– То есть вы гарантируете, что вылечите моего сына? – спросил Петр Павлович.

– Гарантировать в медицине ничего нельзя. Но нет оснований предполагать, что его нельзя было бы вылечить, если диагноз анапластического рака щитовидной железы сейчас подтвердится, – ответил Дмитрий Викторович.

– Вы можете мне точно сказать: вы вылечите моего сына или нет? – Петр Павлович всё более раздражался из-за того, что он не мог контролировать ход событий и отдавать приказы.

– Если диагноз подтвердится, то с большой вероятностью да, – спокойно продолжал объяснять Дмитрий Викторович.

Петр Павлович встал и сделал шаг по направлению к хозяину дома. Но второй шаг он сделать уже не смог. Впереди была стена, хотя никаких препятствий на пути не было видно. Это была стена из воздуха, но совершенно твердая и неподвижная. Петр Павлович от неожиданности забыл о своем гневе и с любопытством ощупал препятствие перед собой. Со стороны казалось, что он ощупывает воздух.

– Вот и ребята возвращаются, – проговорил Дмитрий Викторович.

Услышав это, Петр Павлович возвратился на своё место. Но он продолжал глубоко дышать.

Действительно, из коридора вышли Илте и Алексей.

– Подтвердилось? – спросил Дмитрий Викторович.

– Да, доктор, – ответил Илте.

– Ну, а вообще? – задал непонятный вопрос Дмитрий Викторович.

– Вероятно, – так же непонятно ответил Илте.

– И больше нигде никого? – как бы сам себя спросил Дмитрий Викторович.

– Больше никого, – подтвердил Илте.

Дмитрий Викторович протянул руку, и Илте передал ему бумаги с результатами анализов Алексея. Дмитрий Викторович просмотрел их.

– Я буду тебя лечить, – обратился Дмитрий Викторович к

Алексею. – Ты не против, если я тебя буду называть на ты?

– Не против. Если будете лечить, – ответил Алексей и печально улыбнулся.

– Это займет четыре дня.

– Понятно.

– Ты не торопишься на экзамены?

– Если вы меня вылечите, то экзамены обязуюсь сдать без проблем, – Алексей снова улыбнулся, но в этот раз в его словах послышалась маленькая надежда.

Дмитрий Викторович на минуту задумался, смотря на стол между диванами. Потом, видимо, он принял какое-то решение и поднял глаза на Алексея.

– Четыре дня ты будешь пить лекарство по одной столовой ложке два раза в день. Всё это время, а также ещё четыре дня после этого тебя нужно будет наблюдать. Это важно. Для этого ты должен будешь остаться здесь на эти восемь дней. Согласен?

– Согласен, – ответил Алексей.

– Это обязательно? То есть оставаться здесь? – предложение оставить сына у незнакомых людей на Крайнем Севере Петру Павловичу явно не понравилось.

– Это нужно для лечения. Это единственный способ, – Дмитрий Викторович проговорил эти слова спокойно и уверенно.

Петр Павлович подумал и понял, что, действительно, другого пути у него нет, больше надеяться не на кого и обра-

титься не к кому.

– Мне вас рекомендовала женщина из онкологического института и... какой-то священник, – проговорил он с чувством последней надежды. – Странное сочетание, вы не находите? Прямо, «наука и религия» какая-то.

– Наука не является набором фактов. Наука является картиной взаимосвязи фактов в определённой области деятельности человека. Наиболее общую картину взаимосвязи фактов, формирующую мировоззрение, даёт философия. Поэтому философию изучают во всех вузах. Но у нас долго изучение философии было однобоким, только атеистическим. Однобокость вредит науке и мировоззрению. Теологические концепции философии также необходимо изучать, это нормально. Главное только, чтобы изучение теологии было изучением духовных идей, а не религиозных обрядов, – голос Дмитрия Викторовича не только объяснял, но и успокаивал.

– Ну, ладно. Через восемь дней я буду у вас, – согласился Петр Павлович.

– Да, разумеется. Илте отвезет вас сейчас на то же место. Вам же таксист оставил номер своего телефона, чтобы забрать вас от заброшенных домов? А через восемь дней Илте вас там же встретит, – успокоил его Дмитрий Викторович.

«Японская вихухоль. Откуда он знает о том, что таксист обещал забрать нас оттуда?» – подумал Петр Павлович, крайне удивленный. Он прошел к выходу в коридор, через который они втроем ранее вошли в гостиную. Никаких пре-

пятствий и воздушных стен на пути не было.

– Илте успеет вернуться сюда до темноты? – поинтересовался Алексей.

– Сейчас полярный день. Светло круглые сутки, – Дмитрий Викторович улыбнулся.

Глава 8

На следующее утро Алексея в комнате, выделенной ему в доме Дмитрия Викторовича на втором этаже, разбудил голос Илте: «День начался». Откуда шел голос, было непонятно. В комнате Алексей был один, радио и телевизора в комнате не было, задания своему смартфону разбудить себя Алексей не давал. День начался по часам, а по Солнцу он и не заканчивался. Было восемь часов утра.

«Через пять минут к вам постучится Хартане и проводит вас в столовую на завтрак», – сказал тот же голос.

«Хартане? Это кто же такой? Интересно, сколько здесь всего людей?» – подумал Алексей.

Он встал, собрался к завтраку и посмотрел в окно. Кругом была ровная местность, ни одного дерева, ни одного куста. Только трава, мох, мелкие камни. «И грустно, и скучно кругом», – вспомнил Алексей слова, которые он раньше где-то или читал, или слышал.

Раздался стук в дверь. Алексей открыл. В коридоре стояла девушка лет двадцати, одного возраста с Илте, и также, судя по чертам её лица, она была ненка. Одета она была тоже одинаково с Илте – серые брюки и белая блузка из тончай-

шей ткани, сквозь которую явно угадывались все подробности её верхней половины тела, так как другой одежды под блузкой не было. Её грудь была в форме не полушарий и не конусов, а в форме капли, стекающей по стеклу. Именно такую грудь каплеобразной формы Алексей считал образцом женской груди. И ещё этот завораживающий взгляд – спокойный, вдумчивый и интересующийся окружающим. Похожий взгляд был у всех в этом доме – у Илте и у Дмитрия Викторовича.

Алексей подумал, что вообще-то здесь не так уж и скучно.

– Я Хартане. Пойдемте на завтрак, – обратилась девушка к Алексею.

– А я Алексей. Можно просто Лёша, – Алексею хотелось поддержать разговор. – А что означает ваше имя?

– Означает «самостоятельная женщина», – коротко и по существу вопроса ответила Хартане.

Они шли по коридорам: Хартане впереди, Алексей несколько сзади. Дом, как и любое здание, изнутри казался больше, чем снаружи. Длинные коридоры радовали Алексея, так как можно было подольше посмотреть на идущую впереди Хартане. Это было приятно.

– Как называется ткань, из которой сделана ваша рубашка? – тонкость ткани очень нравилась Алексею.

– Это лён, – Хартане была лаконичной.

– Я видел льняные вещи. Они совсем не такие, – не поверил Алексей.

– Стебель льна разделяют на волокна. Из этих волокон потом скручивают нити, из которых делают ткань. Вещи из такой льняной ткани вы и видели. Но сами волокна льна состоят из микротрубочек. Из этих отдельных микротрубочек также можно получать нить, а из неё делать ткань. Моя и Илте рубашки сшиты из десяти слоев такой ткани. Такую же одежду делали в Древнем Египте.

Между тем они пришли в столовую на первом этаже. За длинным столом уже находились Илте и Дмитрий Викторович.

– Начнем лечение, – как будто бы о каждодневном привычном деле проговорил Дмитрий Викторович. – Держи. Будешь принимать этот раствор перед едой по одной столовой ложке три раза в день четыре дня.

Он протянул Алексею пузырек с маслянистой прозрачной жидкостью. Алексей взял, открыл и выпил указанную дозу. Жидкость была кисловатой.

– Что это? – поинтересовался Алексей.

– Тетракарбоксин, – пояснил Дмитрий Викторович. – Во всех клетках организма имеются специальные вещества, полиамины, которые способствуют делению клеток. Когда концентрация этих веществ по каким-либо причинам превышает критический уровень, то клетки начинают делиться бесконтрольно, то есть становятся опухолевыми, хотя скорость деления может быть разной в разных опухолях. Задача лечения сводится к понижению концентрации полиаминов в

опухолевых клетках ниже критического уровня, в результате чего клетки вновь станут нормальными, то есть будут делиться под контролем организма. Вот тетракарбоксин и понижает концентрацию полиаминов в клетках.

– А почему нельзя выпить сразу весь пузырек и вылечиться в тот же день?

– Тогда концентрация полиаминов станет слишком низкой во всех клетках организма, и все клетки перестанут делиться. А это будет означать невозможность сохранять жизнь организма.

– А раньше вы кого-нибудь так уже лечили?

– Да, не беспокойся. Уже многие люди были вылечены от рака этим лекарством. Доза стандартная для твоего веса и для концентрации полиаминов в твоей крови.

– А для чего же вы оставили меня здесь под наблюдением? Что-то может случиться и пойти не так?

– Всё будет нормально с твоим лечением. Просто это надо контролировать, – Дмитрий Викторович был убедителен.

Алексей успокоился и приступил к завтраку. На минуту разговор прервался.

– А сколько всего людей здесь живет? – поинтересовался Алексей.

– Все сейчас здесь, – ответил Дмитрий Викторович.

– А Илте и Хартане здесь работают?

– Работают. И живут.

– А где их родители? В том смысле, что они ненцы, а вы,

по внешности, русский. Хотя, конечно..., – Алексей замаялся.

– Хотя, конечно, я могу быть их отцом, а их мама может быть ненкой, – Дмитрий Викторович вывел Алексея из затруднения. – Нет. У них оба родителя ненцы. И они не брат и сестра. Они муж и жена.

Услышав последнюю фразу, Алексей погрузился.

– Если хочешь, расскажи ему, – Дмитрий Викторович обратился к Илте.

– Да, доктор, – ответил Илте и обратился к Алексею. – Наши родители, мои и Хартане, были ночью на стойбище убиты белым медведем, когда мы были ещё маленькими детьми. Белый медведь является редким животным, которое не испытывает страха перед людьми, в отличие, например, от бурого медведя. И убежать от него нельзя, так как он бежит намного быстрее человека. Если бы доктор случайно не оказался поблизости, то белый медведь убил бы и нас. Доктор спас нас от белого медведя. Он взял нас к себе, и по сути является нашим отцом. Мы с Хартане потом поженились и работаем в лаборатории доктора.

– Понятно, – одна часть любопытства Алексея была удовлетворена. – А вы застрелили белого медведя? – спросил Алексей у Дмитрия Викторовича, чтобы удовлетворить другую часть своего любопытства.

– Я убил его, – неопределенно ответил Дмитрий Викторович.

Позавтракав, маленькое общество стало пить чай.

– Илте, а вы не ревнуете, что ваша жена Хартане ходит здесь при мне в такой... тонкой одежде? – Алексей вернулся к занимавшему его вопросу.

Трое постоянных обитателей этого дома засмеялись.

– Ты считаешь Хартане красивой? Только честно, – весело спросил Дмитрий Викторович.

– Да... Она очень симпатичная девушка, – Алексей почему-то мог легко и свободно говорить с этими малознакомыми людьми, хотя он всегда был замкнутым и с трудом находил себе собеседников.

– А что в ней тебе нравится больше всего?

– Ну... она вся хорошая... У неё очень красивые глаза, – Алексей решил сказать часть правды, а своё восхищение грудью Хартане утаить.

– Это правда. Красота не в форме тела, а в поступках человека, которые отражают красоту его души. Душа видна во взгляде человека – холодный и мёртвый взгляд в злой душе, тёплый и живой взгляд в доброй душе. Износится тело, увянет кожа – но сохранится живой взгляд доброй души. Именно поэтому глаза – наиболее красивая часть тела человека. Какой бы старой женщина ни была, но всегда её красоту можно увидеть в её взгляде. Во взгляде виден огонь души. Добрый человек всегда красивый, – согласился Дмитрий Викторович.

– Но всё-таки я бы ревновал, если бы увидел. что на мою

жену кто-то смотрит с вожделением, – Алексею хотелось полностью прояснить интересующий его вопрос, для чего он даже ввернул в свою речь слышанное им где-то красивое словцо.

– Что значит "смотрит с вожделением"? Это значит, что смотрит на женщину не как на человека, а как на предмет для удовлетворения своих плотских желаний, как на бесчувственную вещь. В этом суть порнографии. А как же обнаженные статуи в музеях, балет, балльные танцы, художественная гимнастика? Это совсем другое. Это восхищение красотой, гармоничностью тела, элегантностью и ловкостью движения. Здесь человек восхищается другим человеком, относится к нему как к достойному человеку, достигшему высот в своём мастерстве. Это эротика, в этом ничего плохого нет, – видно было, что Дмитрию Викторовичу неестественность красивого словца не понравилась.

– Да я и смотрю на Хартане, как на... балет, – оправдался Алексей.

Опять все рассмеялись.

За всё время её обсуждения Хартане не проронила ни слова.

Чаепитие закончилось.

Дмитрий Викторович достал из кармана своей рубашки и развернул какую-то пленку, похожую на полиэтилен, размерами тридцать на пятьдесят сантиметров. Он держал её на ладони, но пленка сохраняла ровный вид плоскости, края

её не опускались вниз. Он провел пальцами по пленке, и на ней появилось светящееся изображение карты мира. Потом изображение звездного неба. Потом столбики каких-то цифр.

– Что это у вас такое? – Алексей раньше такого никогда не видел.

– Это компьютер. Ну, скажем, разновидность планшета, состоящего только из сенсорного экрана, – пояснил Дмитрий Викторович. – Ты что-то хотел бы посмотреть на нем?

Алексей впился взглядом в этот предмет.

– Ну... ближайшее побережье. Мы же не так далеко от Карского моря, – попросил Алексей первое, что пришло в голову.

– Хорошо, – согласился Дмитрий Викторович и провел пальцами по экрану.

Вдруг сбоку от того места стола, где сидел Дмитрий Викторович, возникло объемное изображение размерами два на три метра, на котором небольшие темно-серые волны набегали на пустынный каменистый берег и слышался слабый шум прибоя.

– Вот ближайшее побережье Карского моря на расстоянии в сорок километров от нас, – сказал Дмитрий Викторович.

Алексей хотел что-то сказать, но не смог оторвать взгляд от появившегося вида и только два раза судорожно проглотил слюну. Минуту он просто молчал и смотрел.

– А что это? Как это? – только и смог он проговорить.

– Это голограмма. Ты, наверное, о голографии что-то слышал. Вот компьютер тоже может давать изображение не только на экране, но и в виде голограммы любых размеров, – проговорил Дмитрий Викторович.

Он провел пальцами по экрану, голограмма исчезла. На экране появилась карта Евразии с пометками о погоде в разных местах. Дмитрий Викторович снова провел пальцами по экрану, изображение исчезло. Экран перестал светиться, и компьютер снова стал выглядеть как гладкая плоская полиэтиленовая пленка. Дмитрий Викторович свернул её несколько раз пополам и положил в карман рубашки.

– Не хотите ли вы с Илте покататься по окрестностям? – вдруг спросил Дмитрий Викторович у Алексея.

– Да нет. Зачем? Что я там не видел? Там ничего интересного нет, всё одно и то же. Я всё видел, когда мы ехали сюда, – Алексей не проявил энтузиазма.

– Ну, а побережье океана? Ты же только что просил его показать на компьютере. А посмотреть наяву, неужели тебе не интересно? – Дмитрий Викторович старался заинтересовать Алексея.

– Ну, ладно. Посмотрю берег океана, – согласился Алексей.

Конечно, он бы гораздо охотнее занялся с тем удивительным компьютером, который он видел у Дмитрия Викторовича, но сказать об этом, а уж тем более попросить поиграть с этим компьютером, Алексей боялся. Он боялся отказа в сво-

ей просьбе, так как тогда он стал бы плохо думать об этих людях, а этого он не хотел.

– Дорогу отсюда до своей комнаты я найду, но пусть потом Хартане проводит меня до выхода из дома. Честно сказать, я плохо запомнил путь вчера вечером, когда Илте провожал меня в мою комнату, – попросил Алексей.

– Хорошо. Через час я приду за вами, – впервые за всё время завтрака Хартане подала свой голос.

Глава 9

Через час в дверь постучали. Алексей был уже готов. Он открыл дверь и вышел из комнаты в коридор. Хартане пошла вперед, показывая путь.

– А почему вы называете Дмитрия Викторовича доктором? – спросил Алексей. – Он доктор наук?

– Нет. Звания не дают знания, – ответила Хартане. – Но он руководитель лаборатории, в которой мы с Илте работаем. Мы его сотрудники. Для нас он доктор.

Алексею хотелось ещё поговорить с этой девушкой, но пока он придумывал тему для разговора, они пришли к выходу.

Илте уже ждал у автомашины.

– Садитесь, – пригласил он.

Алексей секунду подумал и уселся на переднем сиденье рядом с водителем.

В этот раз автомашина «Ока» поднялась в воздух не так, как в прошлый раз, после проезда по земле, а сразу вертикально вверх, как вертолет. Но не было того шума, кото-

рый неотделим от работающего вертолета. Машина двигалась беззвучно. Илте был уверенным водителем и летчиком, другими словами, он управлял этой машиной с удовольствием.

Они летели на высоте тридцати метров с прогулочной скоростью сто двадцать километров в час. «Вероятно, похожие прогулки совершали люди сто лет назад на дирижаблях», – подумал Алексей. Вид окружающей природы был однообразный и скудный – низкая трава и камни. Через двадцать минут из окна машины под ней наблюдался берег Северного Ледовитого океана, а точнее Карского моря.

В этот раз волны производили впечатление большей силы и накатывались на берег, казалось, с большей энергией, чем утром на голографическом изображении. Возможно, действительно сейчас был ветер интенсивнее, чем утром, а возможно, такое впечатление возникало от бескрайнего вида берега вправо и влево от наблюдателя.

– Будем двигаться вдоль берега или над морем вдаль от берега? – спросил Илте.

– Я не знаю... Давайте в море, от берега, – после недолгого раздумья решил Алексей.

Машина взяла курс в море, от берега.

Сначала внизу была только темно-серая вода. Потом стали попадаться льдины в виде белых пятен. Их становилось больше. Потом темными пятнами стала наблюдаться вода на фоне ледяного поля.

– Смотри, – внезапно проговорил Илте, указывая рукой вперед и направо.

Алексей взглянул в указанном направлении. Около одного из таких темных пятен воды на льду сидел белый медведь и внимательно смотрел на воду.

– Что он там делает? – спросил Алексей.

– Охотится. Поджидает белуху, – пояснил Илте.

– Кого? – не понял Алексей.

– Белуху, – повторил Илте, – арктического дельфина. Он плавает под водой, но каждый час ему нужно подняться наверх и подышать воздухом. Вот этого момента белый медведь и ждет около полыньи. Тогда медведь нападет на белуху и будет иметь пищу.

– Давай посмотрим, – попросил Алексей.

Машина минуту покружила над полыньей с медведем, а потом, выбрав удачный ракурс, застыла в воздухе.

Подо льдом показалось тень. Эта тень то приближалась к открытому участку воды, то удалялась от него. Медведь замер в напряжении. Так прошло несколько времени. Движения тени туда и обратно становились более резкими и частыми, а расстояние, на которое тень удалялась от полыньи после очередного подхода, постепенно сокращалось.

– Задышится, – сказал Илте. – Видит медведя и боится вынырнуть, а вдохнуть воздуха больше нигде. Поблизости нет других участков открытой воды. Когда совсем станет невтерпеж, вынырнет. Тогда медведь его и убьет. Хочешь

досмотреть?

– Но неужели ничего нельзя сделать?! Ведь это же ужас! – воскликнул Алексей.

– Медведя можно отогнать. Но он все равно найдет себе пищу в другом месте, тюленя или белуху. Он тоже должен питаться.

– Ну, пусть в другом месте. Может быть, он убьет для себя пищу сразу. Но здесь-то ведь настоящее мучение животного. Так нельзя. Давай отгоним медведя, – Алексей был настойчив.

– Хорошо, – сказал Илте и что-то нажал на пульте управления.

Раздался тихий высокий однотонный непрекращающийся звук. Медведь вздрогнул и насторожился. Повертел головой в разные стороны. Встал на задние лапы. Понюхал воздух. Опустился на четыре лапы и прошелся туда и обратно около полыньи. Остановился на секунду. Внезапно белый медведь бросился бежать прочь от полыньи. Он бежал со всех ног, делая огромные прыжки, не оглядываясь и не останавливаясь. Очень скоро медведь потерялся на просторах морского льда. Звук прекратился.

– Что случилось? Почему он убежал? – Алексей был очень удивлен.

– Звук ужаса. Для каждого млекопитающего существует свой звук ужаса, имеющий определенную частоту и силу. Он активизирует участки головного мозга, которые отвечают

за возникновение чувства опасности и ужаса. Для каждого вида млекопитающих этот звук свой: на данный звук ужаса реагирует только данный вид животных, а животные других видов на него не реагируют или даже не слышат.

– Медведь убежит далеко?

– Радиус действия данного вида звука для медведей составляет сто метров. Но он убежит метров на пятьсот.

– А потом вернется обратно? – спросил с беспокойством Алексей.

– Нет, сюда он больше не вернется. Это место он запомнит и будет обходить его стороной, – ответил Илте. – Вот поэтому часто пользоваться этим звуком нельзя. Медведям тогда негде станет жить.

Между тем белуха наполовину высунулся из воды. Вероятно, он получал удовольствие, вдыхая воздух. Но морда его никаких чувств не выражала, хотя и была довольно смешная. Казалось, что белуха имеет высокий массивный белый гладкий лоб мудреца. Однако глаза, расположенные далеко сзади по бокам, выглядели очень наивно. Такое сочетание придавало всей морде комичный вид. Белуха дышал минут десять, потом скрылся под водой.

– Давай приземлимся. Я хочу посмотреть на это место поближе, – предложил Алексей.

Илте, молча, направил машину вниз. Машина опустилась на лед метрах в пяти от края воды.

Алексей вышел из машины и подошел к кромке льда.

Осмотрел место, где сидел белый медведь. Опустил ладонь в воду там, где был белуха. Отошел и посмотрел на всю эту картину со стороны.

Илте также вышел наружу и подошел к воде. Посмотрел по сторонам. Нагнулся и опустил руку в воду. И вдруг вскрикнул.

Алексей вздрогнул от неожиданности. За мгновение до этого крика Алексей заметил большое продолговатое розовое пятно подо льдом, движущееся за спиной Илте по направлению к полынье. Когда розовое пятно поравнялось с полынью и коснулось руки Илте, тогда Илте вскрикнул и отдернул руку из воды.

– Розовая цианея, – сквозь зубы тихо проговорил Илте.

– Что? – не понял Алексей.

– Тебе придется вести машину. На дисплее набери... дом... потом... нажми... старт...

Рука Илте стала темно-красной и распухла в течение нескольких минут. Илте скрипел зубами, но не жаловался. Видно было, что говорить ему становится всё труднее. Лоб Илте покрылся мелкими каплями пота, и его стал тряссти озноб. Больше он не мог сказать ни слова. Опираясь на плечо Алексея, Илте с трудом кое-как дошел до машины и опустился на то место, где на пути сюда сидел Алексей.

Алексей занял место водителя. Он провел пальцами по дисплею и на появившейся виртуальной клавиатуре набрал слово «дом», после чего дотронулся до виртуальной кнопки

«старт». Все эти действия не вызвали у него затруднений, так как были аналогичны работе на его смартфоне.

После этого машина поднялась в воздух и взяла курс противоположный тому, которым они прилетели сюда. Движение машины происходило в точности по той же траектории и с теми же изменениями скорости, но только в обратном направлении. Машина двигалась на автопилоте.

Больше Алексей в управлении машиной участия не принимал, потому что он не знал способов управления ею, и потому что этого и не требовалось. Он сначала смотрел по сторонам в окна, а потом стал внимательно наблюдать за Илте. И чем дольше Алексей наблюдал за Илте, тем сильнее ощущал Алексей холод в своих пальцах рук и урчание в своем животе.

Состояние Илте внушало серьезные опасения. Сначала Илте скрипел зубами, а потом перестал это делать и стал каким-то вялым. Дыхание его было частым и поверхностным. Озноб закончился. Рука была красной и раздутой. Илте молчал и не отреагировал даже тогда, когда Алексей слегка потряс его за другую руку.

Так прошло два часа. Всё это время за окнами машины была уже знакомая Алексею однообразная картина окружающего ландшафта. И ни одного признака присутствия человека в этом краю. Полная тишина. Алексея самого стало немного трясти.

Но тут Алексей почувствовал, что машина стала снижать-

ся. Он посмотрел в окно и увидел знакомые очертания здания. Никогда в своей жизни ещё Алексей так не радовался возвращению домой.

Машина приземлилась. Алексей открыл дверь, вышел наружу и быстрыми шагами направился к входу в здание. Когда он уже подходил к входной двери, из неё выбежала Хартане. Её вид говорил о крайней степени её тревоги.

– Илте в машине? – спросила она.

– Да. Он там.

– Что случилось?

Алексей, следуя за Хартане к машине, вкратце рассказал о том, что произошло.

– Он опустил ладонь в воду. А потом вскрикнул. И потом ему стало плохо.

– Он при этом что-нибудь сказал?

– Он сказал «розовая цианея».

Алексей и Хартане под руки с обеих сторон привели Илте в гостиную на первом этаже. Там уже был Дмитрий Викторович. Илте был положен на что-то, напоминающее носилки, расположенные на полу. Эти носилки приподнялись над полом на один метр, под ними ничего не было. Потом Хартане нажала что-то на них, и носилки с лежащим на них Илте проплыли в один из коридоров. «Магнитное поле Земли», – с чувством понимающего эксперта подумал Алексей

– Розовая цианея, – сказала Хартане в ответ на немой вопрос Дмитрия Викторовича.

– Анализ яда. Синтез антител. Введение их. Потом введение растворов, – Дмитрий Викторович отдавал указания быстро и спокойно.

От его уверенного вида и чётких слов Алексей успокоился.

Хартане и Дмитрий Викторович делали всё быстро и без суеты. Они ушли в тот из коридоров, куда переместились носилки с пострадавшим.

Через полчаса Хартане вернулась. Алексей всё ещё был в гостиной и ждал новостей о состоянии Илте.

– Всё хорошо. С Илте всё нормально. Вы с ним увидите на ужине, – Хартане улыбнулась и ушла.

Алексей пошел в свою комнату. Он быстро нашел свою комнату и вошел в неё. Алексей включил свой смартфон, который сегодня он так ещё ни разу и не включал. Обычно Алексей по несколько часов лазил по разным сайтам в интернете. Сейчас он также с удовольствием вошел в интернет. Но к своему собственному удивлению уже через две минуты ему стало скучно просматривать интернет, и он выключил свой смартфон. Алексей стал думать о событиях сегодняшнего дня.

Неожиданно в комнате раздался неизвестно откуда голос Хартане: «Алексей, через пять минут приходите на ужин». Оказывается, Алексей незаметно для себя просидел в раздумьях и мечтах около трех часов. Алексей спустился в столовую. Все уже были там.

Илте выглядел полностью здоровым. Пота на лбу и озноба не было. Пораженная рука стала заметно меньше в размерах, чем была после контакта с медузой, и была немного более красноватой по сравнению с другой рукой.

– Что такое «розовая цианея»? – спросил Алексей Дмитрия Викторовича.

– Это гигантская арктическая медуза. Она встречается нечасто, но под водой выглядит очень красиво. Она может ужалить человека. Её яд вызывает сильную боль, но серьезного вреда здоровью не приносит. Поэтому этот случай с Илте довольно странный. Вероятно, её яд стал более токсичным из-за загрязнения мест её обитания. У всех неразумных существ ухудшение условий жизни вызывает увеличение агрессии.

Об этом Алексей слышал впервые.

– Мы определили структуру яда, которым был отравлен Илте, – продолжал объяснять произошедшие события Дмитрий Викторович. – После этого с помощью культуры клеток крови, бэ-лимфоцитов, получили антитела к этому яду. А потом шприцом ввели эти антитела в вену Илте. Молекулы антител связались с молекулами яда. Таким способом яд был обезврежен. А потом ввели растворы, чтобы вывести эти молекулы из организма.

– А эти самые бэ-лимфоциты могут вырабатывать антитела к любому яду? – спросил Алексей.

– Да, могут к любому не только яду, но и к любому ве-

еществу, если только молекула этого вещества имеет большие размеры, несколько тысяч атомных единиц массы. Рецепторы на поверхности бэ-лимфоцитов вступают во взаимодействие с атомными группами крупной молекулы чужеродного вещества, антигена. В результате при синтезе молекулы антитела в его активном центре оказываются те аминокислоты, которые будут реагировать с данными химическими атомными группами молекулы антигена. Восемь таких реагирующих аминокислот на каждый активный центр молекулы антитела. И тогда антитело прочно связывается с антигеном и обезвреживает его. Таким образом, каждый бэ-лимфоцит может образовывать антитела к любому антигену.

– Простите, доктор. Я проявил беспечность, – сказал Илте. – Но Алексей не растерялся и действовал очень хладнокровно и правильно в данной ситуации. Он молодец.

Дмитрий Викторович глубоко вздохнул.

– Итак, случай благополучно завершен, – с улыбкой сказал он.

– Да... случай... – с радостным чувством ответил Алексей, как человек, благополучно выбравшийся из трудного положения.

После ужина Алексей вернулся в свою комнату. Плышался звук смартфона. Звонил отец.

– Да... Дал лекарство, пью... Хорошо... Днём гуляли с Илте... Ну, просто смотрели природу... Интересно... Нет... Не надо... Восемь дней... Надо наблюдать... Хорошо чув-

ствую... Ладно... Как тётя?... Привет ей от меня... Нет... Уже через семь дней... Хорошо... До завтра.

По часам уже был поздний вечер. Но Солнце ярко светило в окно.

Глава 10

Утром знакомый голос Илте пригласил Алексея к завтраку и тем самым разбудил его. На этот раз Алексей уже самостоятельно спустился в столовую.

Сначала разговор крутился вокруг воспоминаний о вчерашнем дне.

– Всё это было очень интересно, но при возможности повторить вчерашнюю экскурсию я бы не стал просить Илте посадить машину на лёд, – сказал Алексей. – Жаль, что в прошлом ничего нельзя изменить.

– Ты прав, изменить нельзя. Но в прошлом можно снова побывать, – ответил Дмитрий Викторович.

– С помощью просмотра старых фильмов? – скучным тоном спросил Алексей.

– Не только. Можно очутиться в прошлом, – удивил своими словами Алексея Дмитрий Викторович.

Алексей уже много видел здесь такого, о чём он раньше и не подозревал. Но слова о путешествии во времени даже здесь выглядели как-то неуместно. Алексей хмыкнул.

– Вы считаете, что можно путешествовать во времени? – недоверчиво и с иронией спросил Алексей Дмитрия Викторовича.

– Нет, путешествовать во времени нельзя. Нельзя заглянуть в будущее, потому что его ещё нет, и мы не знаем всех факторов, которые будут влиять на события в будущем. Но прошлое было, и было вполне определенным образом, то есть было именно так, а не как-нибудь иначе.

– Вы говорите об истории? – опять скучным голосом уточнил Алексей.

– Нет, о другом. Вспомни геометрию – через две точки можно провести только одну прямую. Вот чередование событий в данном объёме пространства составляет похожую прямую. Надо определить состояние объектов, то есть положение всех частиц и направление и модули их скоростей, в данном объёме пространства в данный момент времени и в другой момент времени через несколько часов. Тогда через эти две точки времени можно будет провести прямую времени для данного объёма пространства.

Простые слова Дмитрия Викторовича рисовали загадочную картину. Возможность осуществления делала эту картину ещё удивительнее и привлекательнее.

– Но как это сделать? Ведь это потребует вычисление положения всех частиц в разные моменты времени. Это невероятное количество информации. Ни один компьютер не справится с этим, – недоверчиво проговорил Алексей.

На лицах молчащих Илте и Хартане проскользнула легкая улыбка.

– Да, обычный компьютер не справится. А квантовый ком-

пьютер справится, – Дмитрий Викторович спокойно продолжил объяснения. – С увеличением промежутка времени до события в прошлом растёт и погрешность вычислений. Сейчас возможно заглянуть назад на девяносто два года и быть уверенным в точности воспроизводимых событий. Несомненно, в будущем мощность компьютеров увеличится, и можно будет заглянуть в прошлое на двести лет назад, но не больше. Поэтому мы никогда не сможем увидеть события, произошедшие до второй половины девятнадцатого века.

– А почему же нельзя эти события изменить? – Алексей настолько увлёкся услышанным, что задал глупый вопрос, не подумав.

– Потому что мы будем просто наблюдателями воспроизведённых событий. Если так будет понятнее, то можно сказать, что это будет фильм вокруг нас. Мы сможем наблюдать события, начиная с выбранного момента времени, в данном объёме пространства радиусом десять метров.

– То есть кто-то в будущем может наблюдать за нами сейчас? – внезапно спросил Алексей.

– Да, может, – подтвердил Дмитрий Викторович.

Услышав эти слова, Алексей густо покраснел.

– Ну, что? Хочешь совершить путешествие в прошлое? – Дмитрий Викторович вывел Алексея из неловкого положения.

– Ещё бы. Конечно, – на этот раз с энтузиазмом произнес Алексей.

– Здесь в прошлом ничего интересного найти нельзя. А прокатитесь-ка вы в Томск. Это сибирский город с наиболее долгой современной историей, – обратился Дмитрий Викторович к Илте.

– Хорошо, доктор, – ответил Илте.

Через час после завтрака Алексей был готов и вышел вместе с Илте из дома к машине. В руках у Илте было ведро воды. Он подошел к машине и к огромному удивлению Алексея залил это ведро воды туда, куда обычно в автомобилях заливают бензин.

– Это для чего? Чтобы двигатель не перегревался? – спросил Алексей, понимая, что лучшего объяснения ему самостоятельно не найти.

– Нет. В дороге объясню, – ответил Илте.

Они сели в машину, которая совершила вертикальный подъём. Машина двигалась на высоте двух километров над землей, постепенно увеличивая скорость. Через десять минут скорость достигла восьмисот километров в час. Хотя различить в небе невооруженным глазом белую точку автомобиля «Ока», летящего с такой скоростью на такой высоте, было практически невозможно, но Илте всё-таки решил подстраховаться. Путь на юг пролегал специально в обход крупных городов. Из окон машины наблюдался внизу бескрайний зелёный ковёр лесов, кое-где покрытый пятнами небольших городов и точками поселений.

– Так для чего же вода была налита в машину? – напомнил

Алексей заинтересовавший его вопрос.

– Это топливо, – ответил Илте.

– Там сжигается водород? – решил проявить свои знания физики Алексей. – И как же тогда движение за счёт магнитного поля Земли?

– Для движения с такой большой скоростью и на такое значительное расстояние недостаточно только энергии, получаемой из магнитного поля Земли. Тем более, что мы движемся не над геосинклиналями, которые являются знаками каналов в мантии Земли, а именно в астеносфере, внутри которых происходит движение заряженных частиц вещества, за счёт чего и создается магнитное поле Земли.

– Ну, а в воде-то какая энергия? – не унимался Алексей.

– Энергия ядерного синтеза, – спокойно продолжал свои объяснения Илте. – В обычной воде содержится одна семитысячная доля тяжелой воды. Молекула тяжелой воды образована атомом обычного кислорода и двумя атомами дейтерия, то есть тяжелого водорода. Атомы дейтерия участвуют в реакции ядерного синтеза с получением атомов гелия.

– Так это же ничтожная часть воды, то есть тяжелый водород. Много ли там выделится энергии? – скептическое отношение не покидало Алексея.

– Энергия, выделяющаяся при ядерном синтезе из тяжелого водорода, содержащегося в одном литре обычной воды, равна энергии, выделяющейся при сжигании двухсот литров бензина. По энергетической пользе один литр обычной воды

равен двумстам литрам бензина, – закончил свою маленькую лекцию Илте.

Алексей был удивлен в очередной раз.

Через три часа полета машина стала замедлять скорость и снижаться. Они приземлились на шоссе на подъезде к городу. Других автомашин на шоссе поблизости не было, никто не видел появления их на шоссе с неба.

Они въехали в город. Город был небольшой, с множеством зелёных насаждений и небольших старых домов, уютный город.

– Остановимся на площади? – предложил Илте.

– Да, хорошо, – Алексей не возражал.

Они остановились у тротуара. Илте развернул свой компьютер в виде плёнки.

– Так, зафиксировали первую точку времени. Через два часа вернемся на это место и зафиксируем вторую, – проговорил Илте. – А пока зафиксируем первую точку времени в каком-нибудь другом месте города.

Они поехали покататься по улицам города.

По сравнению с Москвой автомобилей было немного, и люди гуляли или шли по своим делам без суеты и толкотни. Не было столичной бестолковой спешки.

Раньше, после первых выездов за границу, Алексей сделал для себя интересный вывод о том, что люди в Москве одеваются намного более красиво и разнообразно, чем в Европе. А теперь он с удивлением заметил, что и здесь, в Си-

бири, в одежде людей отмечается такая же ситуация, хотя и нет московской вычурности.

Вообще, Алексей бывал несколько раз в разных странах Европы, но в России не бывал нигде, кроме Москвы и подмосковного элитного поселка, в котором он жил. Он никогда не видел жизни людей в других русских городах, а тем более в Сибири. Поэтому Алексею стало любопытно просто смотреть на окружающие виды и на людей.

– Давай выйдем, пройдемся, – предложил Алексей.

Илте остановил машину. Они вышли и пошли сначала по тротуару, а потом по какому-то городскому небольшому парку.

– Интересно, что здесь раньше было? – сказал свои мысли вслух Алексей.

– Вот и зафиксируем здесь первую точку времени. Ориентиром места будет вот эта клумба, – откликнулся Илте.

Илте вынул из кармана рубашки компьютер в виде пленки, но сейчас это был другой карман, не тот, в который он положил такой же компьютер после фиксации точки времени на площади. Алексей это заметил.

– У тебя что, несколько компьютеров с собой?

– Да, я взял два. Дело в том, что можно рассчитать только одну прямую времени на одном компьютере. На вторую прямую времени памяти компьютера не хватит. Необходимо сначала удалить информацию о предыдущей прямой времени, а только потом можно будет рассчитать другую прямую

времени. Хотя информацию о воспроизведенном периоде из прошлого можно сохранить, – объяснил Илте.

– Значит, мы увидим прошлое из двух различных мест города Томска, – суть объяснения Алексей уловил.

– А теперь вернемся на площадь, на прежнее место, и зафиксируем там вторую точку времени.

Они вернулись к машине и приехали обратно на площадь. Илте опять вынул компьютер, но уже из первого кармана, развернул его и проделал движения пальцем по его экрану.

– Для вычислений потребуется пятьдесят минут, – сказал Илте.

Они возвратились в парк, вышли из машины и гуляли в течение часа. Потом подошли к прежней клумбе. Илте достал второй компьютер и зафиксировал вторую точку времени в этом месте.

– Когда же мы сможем посмотреть прошлое? – с нетерпением спросил Алексей.

– Для этого нам надо выехать из города, чтобы нам никто не мешал, и чтобы мы никого не испугали, – ответил Илте.

Они выехали из города и, когда в пределах видимости на дороге не было других машин, поднялись в воздух. Через полчаса полета Илте заметил небольших размеров поляну среди леса и направил машину туда на посадку. Машина приземлилась. Илте и Алексей вышли из машины на поляну.

– Прошлое из какого места посмотрим сначала? И какой момент из прошлого? – задал вопрос Илте.

Алексей на некоторое время растерялся. Наверное, так же чувствует себя ребенок в крупном игрушечном магазине, когда взрослые обещают ему купить любую игрушку, которую он выберет, но только одну. Всё же после короткого раздумья Алексей определился.

– Давай посмотрим, что было раньше в парке. И по возможности более давний период из прошлого.

– Хорошо, – согласился Илте и вынул из кармана второй компьютер. – Посмотрим, например, апрель тысяча девятьсот двадцать восьмого года.

Илте произвел движения пальцем по экрану компьютера.

Внезапно вместо поляны и окружающего леса вокруг них оказалась аудитория какого-то института. Эта новая обстановка наблюдалась на глубину радиусом десять метров во всех направлениях от компьютера.

Студенты в белых халатах, юноши и девушки, сидели в аудитории. Напротив них за кафедрой стоял старичок-профессор, но без белого халата, а в костюме, в галстук и в пенсне. У него на голове была большая лысина, по бокам наполовину седые волосы. Его подбородок был украшен козлиной бородкой, что придавало лицу вытянутый вид. Его глаза блестели, но были холодными и надменными. Свои слова он подкреплял постоянными движениями правой руки и сильно грассировал. Студенты внимательно его слушали.

– Итак, проблема борьбы с инфекциями неразрешима, – говорил старичок. – Бактерии являются прокариотами, они

устроены гораздо проще, чем эукариоты, то есть чем клетки многоклеточных организмов, в том числе человека. Поэтому невозможно найти вещество, которое действовало бы на какой-нибудь процесс и убивало бы бактерии, но не действовало или действовало бы незначительно на человека. Этого не будет никогда! Запомните это! Раньше некоторые лжеучёные, например Полотебнов, пытались для борьбы с инфекциями использовать плесень. Это яркое проявление дикого невежества и многовековой отсталости в научном развитии царской России. Некоторые недоумки в нашей стране до сих пор увлекаются этими проявлениями мракобесия и продолжают искать в плесени чудодейственные вещества для лечения инфекций. Таких неучей надо гнать подальше от науки. Русским учёным надо не заниматься неизвестно чем и не искать чего-то особенного, а им надо идти за цивилизованным миром, равняться на Европу и брать пример с европейских учёных, так как только в Европе развивалась наука, а в отсталой царской России никакого научного прогресса не было. Только следуя за Европой, русские учёные могут хотя бы чему-нибудь научиться, а не копать в плесени, что само по себе смешно. Лекция окончена. Можете быть свободны.

Профессор тряхнул козлиной бородкой и вышел из аудитории. Юноши и девушки поднимались со скамей и также следовали к выходу из аудитории.

Илте провел пальцем по компьютеру. Аудитория вокруг исчезла, и вновь появилась лесная поляна.

– Этот профессор сейчас нёс явный бред. Это же чушь, – лицо Алексея выражало удивление и презрение одновременно.

– Да, это точно. Он говорил полную ахинею. Особенно если учесть, что в следующем, тысяча девятьсот двадцать девятом, году Флеминг в плесени обнаружит пенициллин, – подтвердил Илте. – Ну, теперь давай посмотрим прошлое с центральной площади. Какой момент времени из прошлого выберем для начала просмотра?

Илте сложил и убрал в карман один компьютер и потом достал из другого кармана другой компьютер.

– Давай посмотрим, что стало в городе, как обычно пишется в былинах, через тридцать лет и три года, – выразил свое желание Алексей.

– Хорошо, – согласился Илте.

Вновь поляна и лес вокруг пропали. Вместо этого появился участок центральной улицы города и часть площади. Мимо шли люди, группками и по одному. Одеты люди были несколько однообразно и бедновато, но вполне прилично и даже нарядно. Внезапно громкоговоритель на вершине близлежащего столба закашлялся, захрипел, и оттуда послышался строгий мужской голос.

– Сегодня, двенадцатого апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года...

Вокруг столба с громкоговорителем собралась группа людей, Проходившие мимо люди останавливались, и группа

слушателей росла.

– Ой, батюшки, только бы не война, – всплеснув руками, тихо воскликнула одна женщина.

– Тихо ты, балаболка, – цыкнул на неё стоящий рядом мужчина.

– ... совершён первый в мире успешный космический полёт вокруг Земли на советском космическом корабле «Восток», который пилотировал гражданин Советского Союза майор Гагарин, – продолжал медленно и торжественно говорить диктор по радио.

Вдруг одновременно все стоящие здесь люди закричали изо всех сил «Ура!!! Ура!!!» и принялись целовать друг друга. Потом все стали смотреть на небо, не пролетит ли там космический корабль. Некоторые показывали пальцем вверх и утверждали, что видели его. Говорили все сразу, поэтому трудно было разобрать все подробности, но общий смысл сводился к тому, что мы знали, что это произойдет, и что нам надо брать пример с космонавтов. Так продолжалось минут двадцать, и конца ликованию людей не было видно.

Илте провел пальцем по компьютеру. Окружающие люди и площадь исчезли. Снова вокруг была лесная поляна.

– Да... Супер... А ведь это было приятно слушать, – сказал Алексей.

Илте посмотрел на небо и по сторонам.

– Нам пора возвращаться домой, – проговорил он. – Через четыре часа здесь станет темно. Нам лететь три часа. Хотя

у нас сейчас круглосуточно светло, но всё равно нам пора возвращаться.

Они сели в машину, набрали на ней высоту и по прежнему пути, только в обратном направлении, полетели домой.

В пути Алексей всё время возвращался мыслями к тем событиям из прошлого, свидетелем которых он сегодня стал. Илте без особенной необходимости первым вообще не начал разговор. Поэтому дорога домой проходила в молчании.

По прибытии домой (так как дом доктора на эти восемь дней проживания Алексея в нем стал его домом) Алексей сразу прошел к себе в комнату, умылся, привел себя в порядок и спустился на ужин.

– Что интересного вы с Илте видели сегодня? – обратился к Алексею Дмитрий Викторович.

Алексей рассказал ему о том, где они были и что они видели.

– Как-то это несколько отличается от того, что я раньше слышал о жизни в Советском Союзе, – поделился своими мыслями Алексей. – А где же всеобщий страх и забитость?

Все присутствующие улыбнулись наивной искренности вопроса Алексея.

– Ты видел сегодня жизнь советских людей в разное время, в разных условиях и заметил изменения, – сказал Дмитрий Викторович. – Это чувственное восприятие, на основании которого ты тоже можешь делать правильные выводы. Но вот тебе только факты. В тысяча девятьсот двадцать де-

влятом году экономика в СССР была основана на кустарщине, промышленности фактически не было. В тысяча девятьсот тридцать девятом году в СССР была развитая промышленность и высокая культура производства. За десять лет произошло создание промышленности и полное обновление структуры экономики. Аналогов этому в мире не было и нет. Так эффективно работать могут только свободные и счастливые люди. В тридцатые годы в Советском Союзе был высочайший подъём творческой деятельности и в науке, и в культуре. Результативной творческой деятельностью могут заниматься только свободные люди в свободных условиях жизни и труда, когда их труд поддерживается и результаты их труда востребованы обществом. Именно такие условия для свободного труда и счастливой жизни людей и были созданы в Советском Союзе в тридцатые годы.

– А ведь правда... Но ведь двигать прогресс должны учёные. А мне как-то не верится, что тот старичок, которого мы с Илте сегодня видели, как он ни был похож на профессора при всей своей серьёзности, мог способствовать прогрессу. Тогда в чём же дело? – скептически спросил Алексей.

– Под словом «учёные» ты имеешь ввиду интеллигенцию? – уточнил Дмитрий Викторович.

– Ну да. Тех, кого сейчас называют «креативный класс», – пояснил Алексей.

– Интеллигенция это не те, кто просиживает штаны в институтах или снимается в сериалах. Интеллигенция это те,

кто по своему убеждению, а не из корысти, служит другим людям и способствует культурному прогрессу народа. "Креативный класс" никакого отношения к интеллигенции не имеет. В чём их «креативность»? Только в том, что они приспособились хапать деньги и презирают тех, кто честно живёт, и громко орут в средствах массовой информации о том, как власть и другие люди их "зажимают" и "не понимают". "Креативный класс" это обнаглевшая и обожравшаяся примитивная шпана. Вот сегодня ты видел такого «креативного» представителя из прошлого времени.

Алексей впервые видел проявление эмоций у Дмитрия Викторовича, и это ему понравилось.

– Как всё-таки хорошо увидеть события прошлого самому. Сразу всё становится ясным. И можно самому делать выводы, – проговорил Алексей, он был удовлетворён объяснением.

– Ты, как свидетель событий прошлого, сам сегодня в этом убедился, – продолжил Дмитрий Викторович. – Формирование личности у молодежи должно проводиться на примерах добра, мужества и торжества разума, а не на сочинённых историях о том, как кого-то убивали и истязали. И нам, русским, это делать очень легко, не надо далеко искать и придумывать, так как наша русская история основана именно на торжестве добра и разума.

После ужина Алексей ещё долго сидел в своей комнате, думая обо всех событиях сегодняшнего дня. Позвонил Петр

Павлович.

– Да... Гуляю... Хорошо чувствую... Здесь очень интересно... Не только тундра... Ну, потом расскажу... Здравствуй, тётя. Хорошо... Да... да... да... Кушаю, кушаю... Хорошо... Ладно... Скоро... Конечно... Ну, всё, ладно... До свидания.

Алексей лёг спать в час ночи. Но за окном был яркий солнечный свет.

Глава 11

Утром Алексей проснулся самостоятельно, пять минут полежал в постели. И только потом голос Илте прозвучал в комнате.

Алексей самостоятельно спустился в столовую. На лицах присутствующих он заметил легкую озабоченность, которая, однако, сразу же пропала при его появлении.

– Как настроение? – поинтересовался Дмитрий Викторович у Алексея.

– Отлично, – честно ответил Алексей. – Мне здесь очень... не то, чтобы нравится, а... интересно. Много нового и разнообразного.

– В мире нет ничего непознаваемого. Но всегда будет что-то ещё непознанное, – сказал Дмитрий Викторович.

Услышав это, Алексей на секунду поднял и опустил брови, как будто что-то вспомнив.

– Я вот хотел спросить..., – начал он, запинаясь, – а может внезапно возникнуть невидимая стена, которую ничем

нельзя сокрушить, а потом так же внезапно исчезнуть? Учитывая всё то, что я уже видел у вас, я ничему не удивлюсь, – более решительно добавил Алексей.

Дмитрий Викторович, Илте и Хартане на мгновение бросили на Алексея пристальный взгляд. А потом Дмитрий Викторович с неприкрытым любопытством спросил:

– А где ты видел что-то подобное?

Алексей, не скрывая, подробно рассказал историю о том, как автомобиль, который вместо того, чтобы сбить пешехода, сам сплюснулся, врезавшись в этого прохожего.

На лицах присутствующих была видна неподдельная заинтересованность и какая-то лёгкая радость, как будто они, наконец, нашли то, что они давно потеряли.

– Где, ты говоришь, это произошло? – переспросил Дмитрий Викторович.

– В Москве, в центре, – уточнил Алексей.

– Значит, Рудольф всё-таки решил остаться там, – задумчиво, как бы размышляя вслух, медленно проговорил Дмитрий Викторович.

Минуту в помещении царила полная тишина.

– А ты не хочешь ли сегодня прокатиться в Москву вместе с Илте? – вдруг предложил Дмитрий Викторович, обращаясь к Алексею.

– Да, конечно, с удовольствием, – искренне обрадовавшись этой возможности, ответил Алексей. – Заодно я покажу Илте мой дом.

– Вот этого делать и не надо, – предупредил его Дмитрий Викторович.

– Почему? – Алексей был огорчён.

– А ты уверен, что твой отец опять отпустит тебя? Ведь курс лечения ещё не окончен. Нет, домой тебе пока показываться не следует, – твердо добавил Дмитрий Викторович.

– Ну, ладно, хорошо, – печально согласился Алексей.

На этом беседа прекратилась.

По окончании завтрака, выходя из столовой, Алексей внезапно опять что-то вспомнил.

– Вот вы меня лечите... дали мне лекарство... А больше ведь никто не смог... А вы и другие болезни можете лечить? – остановившись по полушаге, обратился Алексей к Дмитрию Викторовичу.

– Все болезни можно вылечить. Но лечение не всех болезней мы пока знаем, – этим утром Дмитрий Викторович был склонен к афоризмам. – А ты имеешь ввиду что-то конкретное?

Алексей рассказал историю матери своего друга Сергея.

Дмитрий Викторович задумался. Спустя две минуты он сказал:

– Ну, ладно. Я дам тебе лекарство. Передай его этой женщине. Пусть принимает по одной чайной ложке один раз в день в течение двадцати дней, пока не кончится.

– А что это? – поинтересовался Алексей.

– Это раствор вещества, которое называется «протеосин».

Оно проникает в клетки и способствует разрушению белка прионов в нервных клетках. В результате нервная система становится нечувствительной к заражению прионами, – пояснил Дмитрий Викторович.

Через двадцать минут Алексей стоял около автомобиля и был готов к поездке в Москву. Десять минут пришлось ждать. Но вот из здания вышел Илте. Хартане тоже вышла проводить их.

– Я буду ждать вас к ужину, – сказала она.

– Мы постараемся к этому времени вернуться, – ответил Илте.

– Конечно, вернёмся вовремя, если машина не сломается, – весело добавил Алексей.

Хартане ничего не ответила. Она, не отрываясь, смотрела на Илте.

Машина быстро поднялась в воздухе и взяла курс на Москву.

Сначала Алексей и Илте молчали: Илте о чём-то думал, Алексей смотрел в окно машины. Потом Алексей решил прервать молчание и провести время в пути более интересно за разговором.

– А Дмитрий Викторович, он занимается физикой или медициной? – спросил Алексей.

– Доктор занимается разными вопросами, – Илте говорил немногословно.

– А какие ещё болезни он умеет лечить?

– Разные.

– Ну, какие, например, из тех, что считаются неизлечимыми?

– Опиоидную наркоманию.

– Но разве это болезнь? Это вредная привычка, – не согласился Алексей.

– По причине появления – да. А по механизму развития – болезнь. Так как в этом случае образуется порочный круг патологических процессов, в данном случае биохимических, как и при любой болезни.

– И как же её лечить?

– Доктор открыл вещество, морфоксин, которое имеет не резко выраженное сродство к опиоидным рецепторам и быстро прекращает своё действие, на уровне энкефалина. Это вещество вызывает активацию психической деятельности и приятные ощущения, но не вызывает привыкания и зависимости. Вот им и можно лечить опиоидную наркоманию.

– И приятно, и полезно, – пошутил Алексей.

– Что приятно, то полезно. Это основа выживания организма. Любые извращения этого закона ведут к гибели. На примере наркотиков это наглядно проявляется, – серьёзно проговорил Илте.

– Ну, а ещё какую сложную болезнь можно вылечить? – Алексею действительно стало интересно говорить о науке.

– Шизофрения.

– Сумасшедших не вылечишь, – не согласился Алексей.

– Некоторых психические болезни пока неизвестно как вылечить. А вот шизофрению вылечить можно, – Илте говорил спокойно и понятно. – При шизофрении увеличена активность фермента, синтезирующего серотонин. Поэтому концентрация серотонина в коре мозга и в клетках крови тромбоцитах повышена, а в подкорковых образованиях снижена. Доктор открыл вещество, адебутисин, которое нормализует содержание серотонина в организме. В результате больные шизофренией выздоравливают.

– Выздоровливают и перестают быть гениями, – добавил Алексей.

– Больные шизофренией не являются гениями, – возразил Илте. – Их мышление происходит впустую, оно безрезультатно. И общаться с ними сложно. А гении создают новое и полезное для людей. Больные шизофренией и гении являются противоположностями по психической деятельности.

– И откуда ваш доктор всё знает? А, может быть, он ошибается? Ну, один или два раза случайно у него получилось, а потом, может быть, с другими людьми и не получится.

Алексею стало неприятно быть в роли ученика, когда в роли учителя был его ровесник. Раздражение явно замечалось в его последних словах. Но Илте был непробиваем.

– Факты и логика ведут к правильным выводам. А доказательством истины является её воспроизводимость. Если относительная разница арифметических средних, а также стандартных отклонений опытного и контрольного рядов в

исследовании больше величины, обратной числу наблюдений в опытном ряду, то различие между опытным и контрольным рядами достоверно.

– Ну, и ладно, – ответил Алексей.

Беседа прекратилась. Алексей снова стал интересоваться в окно окружающей природой, которая уже существенно изменилась в тех местах, над которыми пролетала в вышине их автомашина. Тундра сменилась тайгой, а тайга уступила место смешанным лесам средней полосы России. Алексею сильно захотелось увидеть Пелагею Матвеевну. Он сам удивился этому внезапному чувству, которого раньше у него никогда не возникало. Алексей попытался думать о других вещах, но постоянно возвращался мыслями к дому.

Илте, было видно, внимательно думал над определенным вопросом. Спустя сорок минут молчания он сказал:

– Сейчас будем спускаться на дорогу.

Они приземлились на шоссе в безлюдном месте на северо-востоке Москвы. Дальше автомобиль «Ока» продолжал путь привычным для всех людей способом. Илте на скорости шестьдесят километров в час вёл автомобиль в сторону центра.

– Значит, около ипподрома? – уточнил Илте.

– Да, рядом, чуть севернее, – подтвердил Алексей.

Добравшись до указанного места, Илте остановил машину. Он взял какую-то коробочку, напоминавшую по форме карманную записную книжку, раскрыл её, поискал там что-

то взглядом и потом нажал на найденном месте. После этого он поднял вверх руку с этой коробочкой и стал ждать.

– Что ты делаешь? – спросил Алексей.

– Определяю местоположение Рудольфа, – пояснил Илте. – Каждый человек даёт излучение только ему присущего рисунка электромагнитных волн. Это как отпечатки пальцев. В медицине они регистрируются в виде электрокардиограммы и электроэнцефалограммы. По ним определяется характер деятельности сердца и головного мозга. Но официальная наука пока не может найти отличие волн одного человека от волн другого и не может регистрировать эти волны на расстоянии от данного человека. Доктор может. Этот созданный им прибор регистрирует присущие конкретному человеку волны на расстоянии до десяти километров.

Илте замолчал и продолжил ждать и наблюдать за прибором. После всего виденного им в последние несколько дней Алексей несколько не удивился словам Илте и только решил уточнить:

– Но в данном радиусе вокруг находятся миллионы людей. Как же узнать волны именно от Рудольфа?

– Мы знаем рисунок Рудольфа. Сейчас прибор настроен именно на его рисунок волн. Как только этот рисунок электромагнитных волн будет зарегистрирован, прибор сразу же покажет место его расположения.

В Москве было двадцать шесть градусов тепла, вдоль проспекта дул легкий ветерок, кое-где городской пейзаж раз-

бавляли отдельные зелёные деревья, по небу плыли небольшие облачка, периодически на короткое время закрывавшие Солнце. Алексей спокойно сидел в машине и ждал.

Вдруг прибор пискнул. Илте приблизил коробочку к лицу и внимательно рассмотрел то, что было изображено на экране прибора.

– Два километра на север. Во дворе жилого дома, – удовлетворенно сказал Илте и завёл машину.

Они поехали в нужном направлении. Через пять минут машина остановилась во дворе найденного дома.

Илте и Алексей вышли из машины и осмотрелись. Людей во дворе дома практически не было.

Вдруг Алексей увидел человека, сидевшего на скамейке у подъезда. То был тот самый странный пешеход. Он был занят изучением экрана своего смартфона. Илте также заметил его

– Это Рудольф? – спросил Алексей.

– Да, – коротко ответил Илте.

Рудольф их не замечал. Илте и Алексей обошли его и оказались за его спиной. Что они собирались делать дальше, Алексей не знал.

– Здравствуйте, – сказал Илте. – Вы забыли положить на место одну вещь, когда расстались с Дмитрием Викторовичем. Передайте её мне. Я отнесу её на место.

Услышав первые слова, Рудольф вздрогнул и на мгновение, напрягшись, застыл в оцепенении. Потом он медленно повернул назад голову. По его взгляду было видно, что он

узнал Илте.

– У меня ничего нет, – проговорил Рудольф.

– Этот человек, – Илте кивнул в сторону Алексея, – видел вас и эффект защитного поля рядом с вами.

– Ну и что? Где он видел? Что он видел? Он мог ошибиться и принять за эффект поля что-нибудь другое. Или, может быть, это поле включил кто-нибудь другой. Это ничего не значит.

– Не надо заниматься пустословием. Верните генератор защитного поля. Вы не умеете им пользоваться по назначению, – Илте говорил спокойно и терпеливо, но настойчиво.

– Можно подумать, ты умеешь. С чего ты взял, что можешь приходить и что-то требовать от меня? Я никому ничего не обязан делать. У меня ничего нет, – Рудольф внезапно стал сильно раздражен.

Илте, не говоря худого слова, резко вытянул вперёд руку, в которой был зажат маленький чёрный кружок, и прикоснулся им к шее Рудольфа. Рудольф как бы окаменел в той позе, в которой он находился. Он только поверхностно дышал и вращал злыми глазами.

– Не бойтесь. Это дитилин в строго определённой дозе. Вы можете дышать. А через десять минут вы снова сможете двигаться, – Илте проговорил это таким тоном, как будто объяснял школьникам правила дорожного движения.

Всё это время Алексей наблюдал данную сцену с большим интересом и отстранённо, как в кино. Тем временем

Илте тыльной стороной кисти постучал по карманам рубахи и брюк Рудольфа. Потом с удовлетворенным видом он вынул из правого кармана брюк Рудольфа небольшую трубочку около одного сантиметра в диаметре и десяти сантиметров в длину и положил её в свой карман. Затем Илте достал из своего другого кармана плёночный компьютер и провел пальцем по экрану. Через две секунды на экране появилось изображение Дмитрия Викторовича, позади которого стояла Хартане.

– Доктор, всё в порядке, – Илте вытащил трубочку и показал её Дмитрию Викторовичу. – Вот Рудольф. Его пришлось временно парализовать. Мы сейчас уходим.

Лицо Дмитрия Викторовича было несколько печально. Хартане наоборот, видя Илте, была радостна.

– Рудольф, – обратился Дмитрий Викторович, – ты ошибся. А я ведь тебе говорил. Знание предполагает ответственность. Без наличия ответственности знание неизбежно приводит к разрушению. Именно поэтому инопланетяне, если даже и прилетят когда-нибудь на Землю, не будут завоёвывать нас. Чтобы развить технику до уровня межзвездных путешествий и при этом не уничтожить свою цивилизацию, надо быть существами очень высокой нравственности. Ты не готов к получению знания.

На лице Рудольфа вместо каменной неподвижности стали появляться различные гримасы.

– Через минуту действие дитилина закончится, – сказал

Дмитрий Викторович,— и он полностью сможет двигаться. Чтобы не привлекать к себе внимания, вам пора уходить. У вас в Москве есть ещё одно дело. Алексей знает.

Изображение на экране компьютера исчезло. Илте свернул его и положил в карман. Услышав слова о ещё одном деле, Алексей оживился. Не обращая внимания на корчившего рожи Рудольфа юноши быстро пошли к автомобилю и сели в него.

— Куда? — спросил Илте.

— Я покажу. Поехали, — ответил Алексей.

Машина двигалась в сторону центра. Её периодически обгоняли модные иномарки, из которых проезжавшие неизменно бросали на их автомобиль пренебрежительные взгляды. Наконец, Алексей не выдержал и обратился к Илте:

— Прибавь скорость. Ну, что мы так плетёмся?

— У нас есть время. Пятьдесят километров в час. Мы хорошо едем. Ты боишься опоздать?

— Не в этом дело. Нас же все обгоняют, — в голосе Алексея слышалась глубокая печаль.

Илте слегка улыбнулся и ничего не сказал. Машина, которая могла лететь над облаками со скоростью тысяча двести километров в час (во всяком случае, Алексей был этому свидетелем, а максимальной скорости машины он не знал), используя энергию ядерного синтеза, увеличила скорость до шестидесяти километров в час.

Тем временем они подъехали к дому, в котором жил Сер-

гей, студенческий друг Алексея. Автомобиль остановился во дворе около угла дома. Во дворе никого не было. Алексей на минуту задумался, сидя в машине. Потом он вышел из машины, отошёл в сторону на несколько шагов, достал свой смартфон и позвонил Сергею. Ожидая ответа, Алексей ходил туда и обратно.

– Привет, Серёга. Ну, как ты? Готовишься? Я-то нормально. Я во дворе твоего дома около подъезда. Нет, ты спустись. Расскажу. Да уж, они тебе порасскажут. Ну давай, жду.

Завершив разговор, Алексей переключал смартфон из одной руки в другую, как горячий камень. Он пошел к подъезду Сергея. Через две минуты Сергей вышел из дома. Алексей подошел к нему.

– Я слышал, ты заболел, – начал Сергей, – и пропустишь экзамены. Сказали, ты в больнице. Вот люди, лишь бы трепаться... Рад тебя видеть.

– Говорят, они кур доят, – засмеялся Алексей несколько натянуто. – Ну, да, я приболел... Но я уже почти вылечился... Я приду на экзамен.

– А где ты был? Тебе никто не мог дозвониться, – поинтересовался Сергей.

– Меня не было дома. Я отключал телефон днём, чтобы не отвлекаться от подготовки к экзамену. У меня болезнь, которую никто не смог лечить. Только один доктор взялся. Он живёт в Сибири. Я был у него. Я уже почти вылечился. Ещё осталось несколько дней лечения. Поэтому меня ещё

несколько дней здесь не будет. Он знает очень много. Я видел у него много удивительных вещей. Я его попросил, и он дал лекарство для твоей мамы. Вот пузырёк. Там на бумажке написано, как надо принимать. Всё. Держи.

Алексей произнёс эти слова быстро, на одном дыхании, не прерываясь, сунул пузырёк в руку Сергею и быстро, не оглядываясь, пошёл в сторону автомобиля.

Сергей остался стоять на месте и растерянно смотрел Алексею вслед. Пузырёк с лекарством он крепко держал в руке.

Алексей быстро сел в машину. Илте вопросительно взглянул на него.

– Поехали, поехали, – нетерпеливо проговорил Алексей.

Через пять минут езды Алексей попросил:

– Давай заедем ко мне домой. На одну минуту. Просто посмотреть.

– Доктор же объяснил, почему нельзя этого делать, – возразил Илте. – Отец же наверняка тебя обратно не отпустит. И тогда ты не закончишь лечение, и всё будет напрасно.

– Ну, хоть издали, сверху... Так, чтобы нас никто не заметил... Просто посмотреть...

Илте как-то глубоко вздохнул, поёрзал на сиденье, помолчал несколько секунд и потом сказал:

– Ладно. Издали. Только посмотреть. Чтобы никто не заметил.

Машина изменила направление движения, и они поехали

в сторону элитного посёлка под Москвой, где находился дом Алексея. Он был оживлен и постоянно указывал путь, когда и куда надо повернуть. Автомобиль двигался с небольшой скоростью, как обычно бывает при спокойных прогулках.

Впереди показалась группа людей. Они шли по тротуару, занимая всю его ширину, и другим прохожим приходилось их обходить сбоку. Их было около ста человек, они что-то кричали и жестикулировали. В основном это были молодые люди и девушки до тридцати лет, но между ними встречались и отдельные люди среднего возраста. Вдруг они заметили машину, в которой ехали Илте и Алексей. Послышались смешки и банальные шутки про результат автомобильного аборта. Толпа вышла на проезжую часть и загородила дорогу. Автомобиль, в котором находились двое ребят, вынужден был остановиться.

– Эге... да там чучмек, – сказал молодой парень из толпы, чей вид свидетельствовал о его южном происхождении, указывая на Илте.

– Он, наверное, не знает, что Россия для русских. Ты этого не знаешь? – спросил, обращаясь к Илте, другой подросток из толпы.

– Давай наберем высоту и улетим, – предложил Алексей.

– Этого сейчас нельзя делать, – сказал Илте.

Илте открыл дверь и вышел из машины. Алексей удивился такому его поступку, но сразу же вышел из машины вслед за ним, не зная зачем и не имея никакого дальнейшего плана

действий.

– Я полностью согласен с вами. Это совершенно правильно. Россия для русских, – Илте говорил уверенно и чуть громче обычного. – Но кто такие русские? Русские это нация России. Нация это все граждане России, имеющие постоянное место жительства в России, считающие Россию своей Родиной, живущие в соответствии с требованиями русской культуры, которая объединяет все народности России. Нация это общая культура. Россия не для иностранных стервятников и их холуёв, мечтающих уехать к ним и лечь под них. Россия для русских. Это совершенно правильно. Я такой же русский, как и вы.

– Чем ты можешь доказать, что ты русский? Внешностью или документами? Это мы видали такое, что отец литовец, мать молдаванка, а дети русские, и всё это подтверждалось советскими паспортами, – послышался голос из толпы с последовавшим за ним всеобщим смехом.

– Чистота крови хороша при определении пород у собак, – продолжал Илте совершенно спокойно. – Национальность у людей определяется по другим характеристикам. Национальность определяется не генами, а принадлежностью к культуре народа, по которой человек живет. То, что потомки людей отдаленного происхождения с отличающимися генами физически и умственно более развиты, это давно известно в биологии и в медицине. То, что при родственных браках рождаются дети с врожденными болезнями и уродствами

и умственно неполноценные, это известно с античных времен. Группы людей, находящиеся в изоляции по националистическим или религиозным предрассудкам, постепенно вырождаются. Известно о распространенных наследственных болезнях среди средиземноморских народов и в различных религиозных общинах в Америке. Произошло вырождение таких длительно изолированных народов как австралийцы, жители островов Тихого океана, индейцы Амазонки, бушмены Африки и так далее. Япония в середине девятнадцатого века находилась на грани вырождения, но японцы вовремя одумались после контакта с окружающим миром и в первую очередь благодаря дипломатическим миссиям России в пятидесятых годах девятнадцатого века, они стали более открытыми и совершили рывок в развитии. Несмотря на очевидность выше изложенного, во всем мире только в России на деле осуществлено равноправие народов.

– А парень не дурак. Видать, и вправду русский, – громко сказал мужчина средних лет в группе людей, стоящих перед автомобилем.

– Во всём мире титульная национальность либо уничтожает, либо выгоняет все другие национальности, – продолжал Илте. – Единственной страной в мире, где свободно могут жить люди любой национальности, не боясь за свою национальную культуру, является Россия. В России много национальностей, но только одна нация – русская. Одна нация – одно государство. Русская культура – это ствол дерева, на

котором привито много ветвей разных национальных культур. Русская культура сама по себе, а тем более в совокупности с питаемыми ею многими национальными культурами, образует такое культурное богатство, которого нет больше нигде в мире.

Среди стоявших людей послышались одобрительные возгласы. Стоявшая в первом ряду девушка приблизительно двадцати лет, с русыми, зачесанными назад и собранными в узкую косичку волосами, с выразительными голубыми глазами и тонкими чертами лица, несколько торопясь и волнуясь, вступила в разговор:

– Русский народ обладает качеством, которое как огонь жжёт подлецов и обогревает честных людей. Это стремление к правде, справедливости, нетерпимость лицемерия и равнодушия. Вот подлецы и задыхаются в попытках, если не истребить эти качества, так оболгать. Мы не позволим им!

Вся группа собравшихся людей одновременно произнесла, очевидно, принятое у них торжественное обещание:

– Клянёмся нашей Родиной священной, душой своею, чистою сейчас, сияньем солнечным благословенным, правами русских, вечными для нас.

Алексей ранее в Москве никогда не встречал такие группы людей, то есть с такими лозунгами. Поэтому он с волнением и в то же время с интересом наблюдал за разворачивающейся перед ним ситуацией.

– А ты что же затаился, ничего не говоришь? По виду ты

русский. А ты патриот? – неожиданно спросил Алексея всё тот же мужчина средних лет, который перед этим признал Илте русским.

Илте хотел что-то сказать, но Алексей опередил его:

– Патриотизм это не крик на митингах. Патриотизм это поддержка честных ответственных людей в стране. Государства ставят памятники своим выдающимся людям. Дела выдающегося человека являются памятником его стране.

Сказав это, Алексей удивился сам себе. Автором начала его короткого выступления был он сам, а окончание являлось словами, слышанными им давно. Илте бросил на него уважительный взгляд.

– Сейчас всё продаётся за доллары, – опять та же эмоциональная девушка с косичкой, вероятно, хотела высказаться полностью, – капиталисты продают права и независимость нации за доллары. Национальная независимость и национальный суверенитет выброшены за борт. Но мы восстановим национальную независимость и национальный суверенитет и благодаря этому пойдём вперёд. Потому что мы патриоты своей страны, мы руководящая сила нации!

Вся группа людей двинулась вперёд вдоль улицы, освободив тем самым проезд для автомобиля Илте и Алексея. Многие из этой группы людей помахали рукой им. Ребята помахали им в ответ.

Солнце припекало, на небе не было ни облака. Илте и Алексей продолжили свой путь.

– Хорошие люди, – через пять минут езды как бы самому себе сказал Илте. – Им бы только нужно побольше знаний и правильного руководителя.

Алексей понял, что Илте имел ввиду Дмитрия Викторovichа.

– Хорошие, но только очень... громкие, – ответил Алексей.

Через полчаса впереди показался контрольно-пропускной пункт при въезде в элитный посёлок, где находился дом Алексея. Илте остановил машину за деревьями.

– Ни по земле, ни по воздуху незаметно проникнуть внутрь нам не удастся, – сказал Илте.

– Но ведь мы же приехали сюда не для того, чтобы вот так уехать отсюда, – с готовностью спора проговорил Алексей. – Я не войду в дом и не буду ни с кем разговаривать.

– Всё равно это станет всем известно. Надо, чтобы нас никто не видел.

– Это как?

– Мы дальше будем передвигаться в воздухе на небольшой высоте, а свет будет путём многократных преломлений огибать нашу машину.

Илте достал из кармана компьютер в виде плёнки, развернул его и провел пальцем по его поверхности. Вокруг автомобиля возникла как бы оболочка, сквозь которую можно было видеть все находящиеся за ней вещи вокруг как через солнцезащитные очки, но вполне отчётливо. Илте пояснил:

– Снаружи нас теперь никто не видит. Но могут слышать, так как движению звука это не препятствует. Поэтому надо быть осторожными.

Илте снова привёл автомобиль в движение. Машина поднялась на пятнадцать метров вверх и начала двигаться над деревьями.

На пункте пропуска никто не обратил внимания, что у них над головой в охраняемый посёлок проник автомобиль с двумя молодыми людьми.

Алексей с интересом рассматривал знакомые места сверху, пульс у него был учащён.

– Вон там. Видишь? – внезапно воскликнул он, показывая на крышу одного из особняков.

Илте поднял вверх указательный палец, призывая к соблюдению тишины.

– Это твой дом? – уточнил он тихим голосом.

Алексей кивнул.

– Мы сейчас приземлимся перед ним. Но ты должен оставаться в машине, – предупредил Илте.

Автомобиль опустился на асфальт перед гаражом рядом с домом Алексея.

Алексей сидел в кресле салона автомобиля, осматривая через открытое окно дверцы машины свой дом. Потом его взгляд неотрывно сосредоточился на входной двери дома. Так прошло двадцать минут.

– Ладно. Поехали, – глубоко выдохнув, сказал Алексей.

Илте кивнул и хотел дать ход машине. Но в этот момент в окне первого этажа внезапно мелькнула тень пожилой женщины.

– Тётя! – отдаваясь мгновенному порыву и забыв о предосторожности, крикнул Алексей и хотел высунуть руку из окошка машины, чтобы помахать в знак приветствия.

Женщина никак не отреагировала на возглас Алексея, а у него так и не получилось высунуть руку из машины. Не было видно никаких препятствий, но в проёме окна дверцы машины со стороны Алексея находилась твердая невидимая стена. Алексей понял, что он ощутил эффект защитного поля.

Илте поднял машину и направил её движение в ту сторону, откуда они сюда прилетели. Крыша дома Алексея, а потом и весь посёлок скрылись из виду за деревьями.

Машина ещё увеличила высоту полета и скорость. В салоне стало прохладно. Видимость оболочки вокруг машины, напоминая взгляд через стекло солнцезащитных очков, исчезла. Алексей закрыл окно дверцы машины со своей стороны. Илте окно со своей стороны не открывал. Автомобиль двигался в вышине курсом на жилище доктора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.